

Философия – не многознание...

**Эффекты разделения труда как основание для критики,
направленной против смешения «философии» и «науки»
(Случаи раннего платонизма и Иммануила Канта)**

Тарас Александрович Шиян

кандидат философских наук

Фонд «Центр гуманитарных исследований», старший научный сотрудник;

Государственный университет управления, доцент кафедры философии

taras_a_shiyan@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается два примера аргументации, апеллирующей к эффектам разделения труда. Согласно традиционному топу о разделении труда, тот, кто в своей жизни совмещает несколько дел, тот ни одно из них не освоит в совершенстве и ни в одном из них не преуспеет. В обоих примерах аргументации под этот топ подводятся разные понимания философии, как разделяемые анализируемыми авторами философские проекты, так и некоторая философская периферия, которую можно условно отождествить с наукой. В результате такого построения делается вывод, что не следует совмещать занятия собственно философией (философским ядром) и периферией. Таким образом, оба примера могут быть интерпретированы как критика смешения предметов философии и науки. Один из этих примеров – рассуждение в диалоге платоновской школы «Соперники», приписывавшемся Платону, второй – из предисловия к «Основоположению к метафизике нравов» Канта. Рассмотрение данного аргументативного приема вписывается в статью в контекст общих представлений о разделении труда и проблематики разграничения философии и науки.

Ключевые слова: теория аргументации, философия науки, история философии, философия, наука, античная наука, образование, демаркация философии и науки, разделение труда, Адам Смит, Платон, Ксенофонт, платонизм, Аристотель, Кант, приемы аргументации.

Philosophy is not the multi-knowledge...

**Effects of the division of labor as a basis for criticism,
directed against the confusion of “philosophy” and “science”
(Cases of early Platonism and Immanuel Kant)**

Taras A. Shiyan

Foundation for Humanities, senior researcher;

State University of Management, associate professor at the chair of philosophy

taras_a_shiyan@mail.ru

Abstract: The article considers two examples of argumentation appealing to the effects of the

division of labor. According to the traditional top of the division of labor, the one who combines several businesses in his life will not a master nor succeed in any of them. In both examples of argumentation, different understandings of philosophy are brought under this top: the philosophical project of analyzed authors and some philosophical periphery that can be conditionally identified with science. As a result of this construction, it is concluded that one should not combine studies in pure philosophy (the core of philosophical project) and the periphery. Thus, both examples can be interpreted as a critique of the mixing of philosophy and science. One of these examples is a discussion in the dialogue of the Platonic school "Anterastai", previously attributed to Plato, the second – from the Preface to Kant's "Groundwork of the Metaphysic of Morals". This argumentative technique is considered in the article inside the context of traditional ideas about the division of labor and of the problematic of demarcation between philosophy and science.

Keywords: argumentation theory, philosophy of science, history of philosophy, philosophy, science, antique science, education, demarcation of philosophy and science, division of labor, Adam Smith, Plato, Xenophon, Platonism, Aristotle, Kant, techniques of argumentation.

1. Введение. Проблема демаркации философии и науки¹

Применительно к античности о «науке» можно говорить только условно, в качестве осознанного анахронизма. Говоря в настоящей статье о «науке» я имею в виду особый вид работы со знаниями (их поиск, отбор, накопление, систематизация, освоение), который оформился в качестве самостоятельного социального института только в Новое время, но в качестве некоторого вида занятий (досуга) существовал уже в античности. Причем возник еще до появления института философии, в который он был инкорпорирован со времен Платона. То, что можно называть «наукой», по-разному понималось в разных культурно-временных регионах и требует уточнения применительно к каждому из них.

Философия, возникая у греков, включает в себя различные предшествовавшие ей области исследований (αἱ ἱστορίαι), развивая их как свои собственные части, но одновременно и дистанцируясь от них либо как от подготовительного уровня, предшествующего собственно философии, либо как от того, что связано с освоением или реализацией тех или иных философских методов. При этом, с точки зрения внешней культурной среды, ценность и основная функция философии часто состояла в развитии и передаче новым поколениям именно этих, «нефилософских» философских дисциплин.

В силу этой двойственности, с одной стороны, и самопроектного характера философской деятельности – с другой, философам регулярно приходилось переустанавливать границы философии: как с внешней культурной средой, так и внутри себя, между своими частями. При этом, переопределение границ является следствием и способом реализации не только постоянного самоперепроектирования философии. Необходимость самого этого самоперепроектирования в значительной степени вызывается постепенным

¹ В существенных моментах, требующих обращения к оригинальному тексту (в первую очередь, для учета ключевых для моего исследования терминов и авторского словоупотребления в целом), я следую следующим публикациям. Немецкий текст «Основоположения к метафизике нравов» использовался по параллельному двуязычному изданию [1]. Греческие тексты платоновских диалогов «Государство», «Законы» и диалога «Соперники» [2] – по текстам, вывешенным на сайте Платоновского философского общества, чья публикация восходит к [3]. Терминологические вставки в цитаты из работ Аристотеля сделаны по [4–7], а также [8, с. 15–23]. Остальные источники: фрагменты Гераклита – [9], «История» Геродота – [10]; «История» Фукидида – [11]; «Похвала Елене» Горгия – [12]; «Бусири» Исократ – [13]; труды Ксенофонта – [14–16]. Далее обращение к этим изданиям я как правило не оговариваю.

непреднамеренным изменением соотношения значимости частей внутри философии, вызванным внешними культурными факторами. В частности, философам время от времени приходилось переопределять философию в силу того, что ее разделы, определявшиеся вначале как вспомогательные и частные, начинали в силу внешних культурных обстоятельств все больше доминировать, подменяя собой собственно философское ядро, существование которого они изначально обеспечивали. Отсюда еще одно, функциональное различие между философией и наукой внутри философии до XIX или даже до XX века: как ядра философского проекта и периферийных областей знания, обеспечивающих существование ядра.

В данной статье рассматривается два эпизода этой борьбы, или два случая такого философского самоопределения, требующего разграничения между собственно философией (философским ядром, так или иначе понимаемом автором анализируемого текста) и другими занятиями, бытующими в культуре под тем же именем философии, но не входящими (по мнению рассматриваемого автора) в философское ядро и, в этом смысле, не являющимися философией как таковой. При этом, поскольку речь идет о некоторых областях знания, причем об областях знания, получивших самостоятельную значимость, значимость вне функции обслуживания ядра философского проекта, то эти области знания вполне можно называть науками (наукой), хотя и в некотором условном смысле. Такое разграничение для философии может давать двоякий результат. С одной стороны, разграничение между собственно философией и ее неполноценными клонами – «науками» – может выполнять функцию направления самой философии: чтобы успешно заниматься философией, нужно понимать, чем же она является, определить ее ядро (цель, задачу, основное направление и т.п.). С другой стороны, такое разграничение может носить оборонительный характер, требовать от противоположных, «нефилософских» частей философии принятия проведенного размежевания и тем самым оберегать философию от вменения не свойственных ей целей, задач и т.п.

Самоопределение и размежевание с целью направления деятельности философа в нужное русло, защита его от ложных целей осуществляется в диалоге «Соперники (Ανταρσται)» (IV – III вв. до н.э.), созданном в рамках платоновской школы. При этом, занятие «науками» (в данном случае, многознанием, πολυμαθία) просто отбрасывается как недостойное внимания подлинного философа. Самоопределение и размежевание с целью оградить философию от вмешательства и нападков со стороны представителей ее «нефилософских» частей, получивших значимость в силу внешних для философии обстоятельств (речь идет о будущей эмпирической науке, формирующейся все еще в организационных рамках философии), осуществляется в предисловии к «Основоположению к метафизике нравов (*Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*)» Канта (1785). Таким образом, оба текста направлены на различение философии и «науки» и очищение философии от несвойственной ей составляющей, хотя это размежевание и осуществляется по-разному. Вторым общим моментом обеих ситуаций является обращение авторов данных текстов к распространенным представлениям о разделении труда, обращение, осуществляемое с целью обоснования принятия практических выводов из этого самоопределения. Представления эти состоят в том, что человек должен в своей жизни заниматься только одним делом (профессией, ремеслом и т.п.), только это позволяет ему достичь подлинного мастерства, совершенства в своем деле, тогда как совмещение нескольких занятий препятствует искусному освоению какого бы то ни было дела. Эти представления распространяются авторами текстов на область философии и науки, что и служит обоснованием необходимости размежевания ядра философии (собственно философии) и ее периферии (условной «науки»).

В соответствии с такой структурой аргументации строится и настоящая статья. Вначале мы рассмотрим проблему соотношения философии и науки в исторической перспективе, с

целью освещения той культурной ситуации, в которой и применительно к которой данные примеры аргументации были созданы. Второй частью исследования будет обращение к тематике разделения труда с целью освещения соответствующего комплекса представлений как некоторого общего места, топа. В третьей части мы рассмотрим конкретизацию темы разделения труда применительно к интеллектуальной деятельности, что позволит уточнить особенности осуществляемого авторами рассматриваемых текстов переноса общих представлений на некоторый частный случай. И, наконец, в завершение статьи мы обратимся непосредственно к двум объявленным примерам аргументации, проанализируем их структуру, сходства и различия их реализации и т.п.

2. Соотношение философии и науки в истории культуры

То, что можно было бы назвать наукой (в некотором условном, функциональном понимании этого слова), возникает в конце VII – начале VI вв. до н. э. в Ионии под названием *ἡ ἱστορία* (исследование, изыскание; знание). Это название применялось и к исследованиям природы, *ἡ φύσις* (поэтому Аристотель в IV в. до н. э. ретроспективно назвал «физиками» тех, кто занимался подобными исследованиями), и к исследованиям в области будущей математики (согласно свидетельству Ямвлиха, ссылающегося на неизвестный доплатоновский источник, именно так Пифагор и его ближайшие последователи называли геометрию [17, с. 149, фр. 27]), и к исследованиям политической жизни (Геродот, живший в V в. до н. э., называет свой труд «Ἱστορία» и обозначает свою задачу как исследование причин появления вражды между эллинами и Азией). Формирующиеся в результате таких исследований области знания называются греками *τά μαθήματα* (мн. ч. от *τό μάθημα* – знание, познание), а способный или прилежный к учению человек характеризуется словом *μαθητικός, μαθηματικός*. Согласно [18, с. 54], только с IV в. до н. э. использование «*τά μαθήματα*» сужается до нескольких дисциплин, получивших в силу этого название «математических». Но и позже, даже в Академии «*τό μάθημα*» продолжали использовать как «наука» в смысле чего-то, чему обучаются. Именно о *τά μαθήματα* (в русском переводе [19] передается как «науки») идет речь в псевдоплатоновском диалоге «Соперники» (например, во фрагменте 134d–134e)².

С *τό μάθημα* связан термин *πολυμαθία* (в [8, с. 15–23] – *πολυμαθεία*) – многознание. С негативным оттенком это слово появляется как минимум уже на рубеже VI–V вв., например, у Гераклита: «Многознание [*πολυμαθία**] уму не научает» (начало фрагмента 40 DK³). В частности, в многознании Гераклит упрекает Пифагора (см. продолжение приведенного фрагмента).

Еще один термин, соотносимый с наукой, – *ἡ ἐπιστήμη*, обычно переводится как «знание» и содержит оттенок особой обоснованности, достоверности, истинности. Отчасти может соотноситься с мудростью. Исократ именно словом *ἡ ἐπιστήμη* обозначал недостижимое для людей абсолютное знание, тогда как словом *ἡ σοφία* – искушенность в житейских делах, недостижимую без владения риторикой как особой *ἡ τέχνη* [21, с. 66]. Аристотель в «Метафизике» связывает «*ἡ σοφία*» и «*ἡ ἐπιστήμη*» следующим образом: «*ἡ σοφία περὶ τινὰς ἀρχὰς καὶ αἰτίας ἐστὶν ἐπιστήμη* (σοφία о каких-либо началах и основаниях есть ἐπιστήμη)»

² Теслеф относит его написание к времени после основания Академии, но до второй поездки Платона на Сицилию [20]. Ю. А. Шичалин относит его создание к времени между началом 380-х и началом 360-х гг. до н. э. (там же), то есть примерно к тому же периоду. И. Адо – к предположительно III в. до н. э. [8, с. 20].

³ Нумерация по изданию фрагментов досократиков под редакцией Дильса и Кранца; русский перевод по [17, с. 195]. Греческие вставки по [9]. Здесь и далее мои вставки в цитаты отмечены звездочкой и взяты в квадратные скобки. Это может быть греческий оригинал идущего перед скобкой перевода или же его альтернативный перевод.

(Метафизика, I, 982a, [22, с. 68]. В дальнейшем, в платоновско-аристотелевской традиции ἡ ἐπιστήμη (как безошибочное знание, обоснованное либо особым созерцанием, ἡ θεωρία, либо строгими логическими процедурами) противопоставлялась ἡ δόξα (как мнению, которое может оказаться как истинным, так и ложным).

Слово ἡ σοφία в доплатоновскую эпоху обозначало искусность, мастерство в некотором деле / ремесле / искусстве, каком-либо ином занятии, требующем практических навыков (и, возможно, таланта), то есть было тесно связано с владением некоторым ἡ τέχνη и, что в дальнейшем приобретает доминирующее значение, способностью обучать ему⁴. В связи с этим возникает особый класс людей – ὁ σοφός или ὁ σοφιστής⁵ (со временем, по преимуществу, второе), – владеющих некоторой ἡ σοφία, ἡ τέχνη и способных обучить ей. В особенности речь идет о дополнительных навыках, полезных в деле самоуправления полиса. С этими навыками со временем и связывается ἡ σοφιστρία (софистика) в первую очередь. Само же это дополнительное образование, превышающее элементарные навыки чтения, письма, счета и музыки, получает название ἡ παιδεία, в отличие перечисленных элементарных навыков, называвшихся ἡ προπαιδεία.

В связи именно с софистикой находится и возникновение гнезда слов с основой на «φιλο-». Первыми появляется глагол: φιλοσοφέω – Геродот, История, I, 30 (о Солоне: ὡς φιλοσοφέων γῆν πολλὴν θεωρίας εἵνεκεν ἐπελήλυθα) [10]; он же у Фукидида в «Истории Пелопонесской войны» (II, 40, 1) (καὶ φιλοσοφοῦμεν ἄνευ μαλακίας) [11]; у Горгия в «Похвале Елене» – прилагательное: φιλόσοφον λόγων (философские речи) (Горгий, Похвала Елене, 13 [12]). Эти авторы передавали этими словами либо то, что мы сегодня называем любознательностью, тягой к познанию нового (Геродот), либо стремление к, наличие, демонстрация искусности, мастерства в своем деле (Горгий): φιλο- – тяга, склонность к чему-либо (ἡ φιλοποσία – склонность к пьянству, ἡ φιλοτιμία – склонность к стяжанию почестей, тщеславие и т.п.) и ἡ σοφία – искусность, мастерство в некотором деле / ремесле / искусстве, каком-либо ином занятии, требующем практических навыков и таланта) [21, с. 30–35, 55]. Со временем в подобных словах делается акцент на общей образованности. В эту традицию вписывается использование существительного ὁ φιλόσοφος (философ) в произведениях Ксенофонта, в частности, в «Воспоминаниях о Сократе» [21, с. 55]. В принципе, сюда вписывается и понимание ἡ φιλοσοφία, ὁ φιλόσοφος учеником Горгия Исократом, создавшим ок. 393 г. до н.э. в Афинах первую постоянную частную школу [8, с. 12] и считавшим, что преподает философию, но трактовавшим ἡ σοφία как искусность, мастерство во владении и воздействии словом, то есть в риторике [21, с. 66], в силу чего в наши дни она трактуется как первая риторическая, а не философская школа. Эта связь «философии» (в раннем понимании слова) с αἱ τέχναι, хоть и была разорвана Платоном, философию противопоставившим αἱ τέχναι как практическим знаниям и навыкам ремесленного характера (включая сюда и искусство), все же не оборвалась совсем. Уже на латинской почве *ars* – латинский аналог слова ἡ τέχνη – обозначал не только искусство (в нашем смысле) и ремесла, но и собственно философские дисциплины – так называемые свободные искусства (в первую очередь, три дисциплины стоической «логики» и четыре – платоновской «математики»).

В этой атмосфере в первой половине IV в. до н.э. в школе Платона формируется

⁴ У Аристотеля это понимание σοφός остается наравне с другими: «В-третьих, мы считаем, что *более мудр* [σοφώτερον*] во всякой науке [ἡ ἐπιστήμη*] тот, кто более точен [обстоятельней*, ἀκριβέστερον*] и более способен научить [διδασκαλικώτερον*] выявлению причин [оснований, αἱ αἰτίαι*]» (Метафизика, I, 982a13–14, цит. по [22, с. 68]).

⁵ Геродот в «Истории» [23; 10] использует слово ὁ σοφός применительно к Солону (I, 29), ὁ σοφιστής – к Пифагору (IV, 95).

представление о философии как особой области деятельности⁶, противоположной αἱ τέχναι и по отношению к которой различные αἱ ἱστορίαι и τὰ μαθήματα носят лишь вспомогательный характер. Так, смысл изучения «математических» дисциплин (геометрия, арифметика, гармоника, астрономия) – отвлечение внимания философа от чувственно-воспринимаемого и его перенаправление на умопостигаемое. С этой точки зрения, четыре «математические» дисциплины носят подготовительный характер. Диалектика же является основным методом философского исследования, поскольку, являясь практикой гипотетико-дедуктивных (в современной терминологии) построений, позволяет все ближе и ближе приближаться к познанию «начал»⁷. Подробнее о роли этих пяти дисциплин в системе платонизма см. [25; 26].

Видимо, именно в связи с деятельностью Платона в IV в. до н. э. термин τὰ μαθήματα начинает обозначать четыре дисциплины (геометрию, арифметику, гармонику / музыку, астрономию) [18, с. 54]. Например, Архит пишет о предшествующих пифагорейцах, занимавшихся этими четырьмя дисциплинами: «те, кто имеет отношение к μαθήματα» (цит. по: [18, с. 54]). А слово μαθηματικός получает у позднего Платона (Л. Я. Жмудь считает это слово его неологизмом [18, с. 54]) смысл ‘занимающийся τὰ μαθήματα’ («математик»), вместо ‘способный или прилежный к учению’.

Вероятно, в школе Платона занимались и другими исследованиями, по крайней мере, сферы интереса учеников Платона включают все основные области тогдашнего «созерцательного» знания (знания, не связанного с αἱ τέχναι – ремеслами/искусствами). Так, распространенное в поздней античности благодаря стоицизму деление философии на «логику», «физику» и «этику», по мнению А. А. Столярова, было введено Ксенократом [27, с. 34]⁸. Таким образом, с одной стороны, различные αἱ ἱστορίαι и τὰ μαθήματα входят в греческую ἡ παιδεία, а с другой стороны, философия формируется как особый вид ἡ παιδεία, неотъемлемой частью которой является занятие этими αἱ ἱστορίαι и τὰ μαθήματα.

На многосторонность интересов другого ученика Платона – Аристотеля – указывать здесь нет необходимости. Для целей настоящего исследования интересна аристотелевская концепция образования, против которой как раз и направлен, по мнению И. Адо, диалог «Соперники» [8, с. 20]. Помимо концепции свободных (приличных свободному человеку) «наук» (ἐλευθέροι ἐπιστήμαι) Аристотель говорит о человеке частично образованном и о человеке всецело, всесторонне образованном (ὁλως πεπαιδευμένος)⁹:

⁶ По выражению П. Адо, Платон придает слову ἡ φιλοσοφία собственно философский смысл [21, с. 21, 62].

⁷ «[Исследование]* полезно еще для [познания] первых [начал] всякой науки [ἐπιστήμη*]. Ибо исходя из начал, свойственных лишь данной науке [ἐπιστήμη*], нельзя говорить что-нибудь о тех началах, поскольку они первые начала [πρῶται αἱ ἀρχαί*] для всех наук [περὶ ἐκάστην ἐπιστήμην*]. Поэтому их необходимо разбирать на основании правдоподобных положений в каждом отдельном случае, а это и есть [задача], свойственная диалектике [διαλεκτική*] или наиболее близкая ей. Ибо, будучи способом исследования [ἐξεταστική*], она прокладывает путь к началам [αἱ ἀρχαί] всех учений [οἱ μέθοδοι*]» (Топика, I, 101a37–101b4; цит. по: [24, с. 351]).

⁸ Столяров ссылается здесь на Секста Эмпирика: «Совершеннее в сравнении с ними те, которые говорили, что одно в философии есть нечто физическое, другое – этическое, третье – логическое. Начинателем же этого в принципе является Платон, который вел разговоры и о многих физических, и о многих этических, и о немалочисленных логических вопросах. Отчетливее же всего этого разделения придерживаются ученики Ксенократа, перипатетики, а также стоики» (Секст Эмпирик, Против ученых, кн. VII, фр. 16; цит. по: [28, с. 63]).

⁹ В ближайших нескольких абзацах изложение представлений Аристотеля об образовании приводятся по [8, с. 15–23]. Цитаты текстов Аристотеля взяты из указанных в соответствующих местах русских переводов, греческие вставки в них, не помеченные звездочкой, сделаны в соответствии с [8, с. 15–23].

При всяком наблюдении и способе исследования как более заурядного, так и более высокого порядка существуют, по видимому, два пути к постижению предмета: один из них хорошо назвать научным знанием дела (ἐπιστήμη), другой – как бы известного рода образованностью (παιδεία τις). Ведь только надлежаще образованный (παιδευμένος) человек в состоянии метко судить, правильны или неправильны толкования оратора, и именно такого человека, мы считаем за вполне образованного (ὅλως παιδευμένος), а под образованностью разумею возможность производить сказанное. Только этого человека мы считаем, так сказать, способным совмещать в одном лице суждение обо всем; всякого же другого – относительно какой-нибудь особой области природы: ведь может же найтись другой человек, который тем же способом, как указано, способен судить исключительно о части.

(О частях животных, кн. I, 639a; цит. по [29, с. 33]).

Это образование состоит не в знании первоначал соответствующих областей знания, ἐπιστήμη, но в развитии способности суждения в соответствующей области:

Всякий между тем правильно судит о том, в чем сведущ, и именно для этого он добродетельный [хороший*] судья [ἀγαθὸς κριτής]. Это значит, что в частном [в одном*] – и образован применительно к частному [ὁ παιδευμένος], а вообще – образован всесторонне [ὁ περὶ πάντων παιδευμένος].

(Никомахова этика, I, 1094b28–1095a2; цит. по [30, с. 56]).

В «мудрости» Аристотель разделяет те же два варианта: мудрый (ὁ σοφός) как знаток в одном виде искусства (например, Фидий и Поликтет, каждый в своей области скульптуры) и всецело мудрый (ὅλως σοφός).

В соответствии с вышеописанным Аристотелю можно приписать, как делают И. Адо (понимая, что этим философия Аристотеля не исчерпывается) и неизвестный автор «Соперников», понимание философии как знакомства с максимально большим числом областей знания. Хотя сам Аристотель такому образованию (изучение «наук») противопоставляет «мудрость» как знание первоначал («первая философия»), совмещая, таким образом, в своей системе две тенденции. Автор «Соперников» полемизирует с первой, «научной» тенденцией как не имеющей отношения к философии вообще, противопоставляя ей свое, этико-политическое понимание философии.

Таким образом, начиная со времени появления философии как самостоятельного явления древнегреческой культуры, в ней имеет место сложное взаимодействие двух интеллектуальных тенденций, условно обозначенных здесь как «философия» и «наука». С одной стороны, в каждой философской школе имеется свое понимание сути философии, ее религиозно-этического ядра. С другой – в философию включается большое число различных областей знания (учебных и исследовательских дисциплин, не относящихся к αἱ τέχναι, и понимаемых в качестве частей философии, необходимых либо в качестве подготовки к освоению философского ядра, либо в связи с теми или иными философскими техниками). С третьей стороны, большинство этих дисциплин носит периферийный характер и, будучи философскими по институциональной принадлежности, не являются философией как таковой. В этом смысле, Аристотелевское деление на первую и вторую философию, хоть и основано на чуждом современному мышлению онтологическом делении на первые и вторые начала, фактически вводит аналогичное разделение на философское ядро (первая философия) и периферию (различные «науки» второй философии). Это деление коррелирует и с обсуждавшимся выше делением на ὅλως σοφός и просто σοφός.

Эта двойственность передается позднеантичной и средневековой системе образования. На

протяжении античности в рамках философии складывается система общего образования (*ἐγκύκλια παιδεύματα*, *λευθέριοι παιδεῖαι*), получившая на латинской почве название семи свободных искусств, *septem artes liberales*. Эта система в ее теоретической форме понималась как состоящая из трех начальных дисциплин (*trivium*, исторически совпадавший со стоической «логикой» и состоявший из грамматики, риторики и диалектики) и четырех завершающих дисциплин (*quadrivium*, исторически совпадавший с набором четырех платоновских *τά μαθήματα*). Эти дисциплины понимались как философские, хотя грамматике, а иногда и риторике, приписывался пропедевтический статус. С появлением в Западной Европе института университетов одним из четырех стандартных факультетов, составлявших университет, становится факультет искусств, или факультет артистов, на котором и изучались «свободные искусства» (состав которых на практике, правда, мог существенно отличаться от описанной схемы). С конца XVI в. в Германии факультеты искусств начинают переименовываться в философские [31, с. 115]¹⁰, но окончательно этот процесс не был завершён до XX в.¹¹ Именно на этих артистических / философских факультетах «уже в XV в., еще более в XVI и XVII вв. стали появляться отдельные профессуры математики, греческого, латинского и еврейского языков, истории, политической философии и др.» [31, с. 150]. В целом, за исключением России и Франции, в большинстве университетов мира вплоть до конца XIX – начала XX вв. «науками» продолжали заниматься на факультетах искусств и философских факультетах¹². Таким образом, двойное понимание философии как особого занятия и как совокупности «наук» (в начале – в смысле «свободных искусств») продолжает оставаться в европейской культуре до начала XX в.

Процесс становления будущих наук внутри философии и одновременной эмансипации от нее (если не везде институциональной, то концептуальной) идет по нарастающей все Новое время. Важным этапом этого процесса эмансипации становится появление в начале XIX в. идеологии позитивизма с ее попытками отделить «позитивную», «подлинную» философию (основанную на занятиях науками или даже тождественную им) от остальной философии как «метафизики» (с приданием этому слову негативной оценочности). Но эта тенденция проявляется раньше, как минимум с середины – второй половины XVIII в. Ответом именно на эту «позитивистскую» (хотя и до собственно «позитивизма») тенденцию стало рассуждение Канта в предисловии к «Основоположению к метафизике нравов», которое будет разбирать в конце статьи.

Отмечу, что споры о предмете философии идут до сих пор, как до сих пор высказываются сомнения в наличии у нее вне «истории философии» какого-либо содержания, не сводимого к повтору основных достижений позитивных наук: некоторые исследователи пытаются вменить в обязанность философии самоограничиться историей философии и/или вторичной концептуализацией научных теорий. В этом контексте два рассматриваемых мной примера аргументации против смешения философии и науки весьма актуальны, даже если не разделять сами философские проекты их авторов.

¹⁰ Это, возможно, было связано с борьбой протестантов против католического наследия. Первый или один из первых случаев такого переименования – в виттенбергских статутах 1595 г. [31, с. 98].

¹¹ Например, в университете шведского города Упсала даже в середине – второй половине XIX в. – период активного формирования там профессур по естественным и гуманитарным наукам – объемлющий их факультет продолжал называться «факультетом искусств» [32].

¹² Подробно проблема институционального разграничения философии и науки, а также структура университетов как один из критериев такого разграничения, рассматриваются в [33; 34] и обобщающей их работе – [35].

3. Представления о роли разделении труда в структуре общества

Рассмотрим вначале ту систему относительно распространенных представлений, на которые опираются два рассматриваемых примера аргументации.

Тема разделения труда, в первую очередь, ассоциируется с «Исследованием о природе и причинах богатства народов (*An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*)» (1776) Адама Смита [36]. Йозеф Шумпетер в «Истории экономического анализа», с одной стороны, замечает, что эта книга «не содержит ничего оригинального» (что, возможно, некоторое преувеличение), с другой – что «никто ни до, ни после А. Смита никогда не придавал такого значения разделению труда. По Смит, оно является практически единственным фактором экономического прогресса» [37, с. 240].

Действительно, до Смита достаточно много человек что-то писало о разделении труда, правда, почти все эти писания носят характер мимоходом брошенных замечаний и не используют самого термина «разделение труда». Некоторые авторы попали в список предтеч Смита вообще по недоразумению, в силу исторически некорректной интерпретации их текстов¹³. С другой стороны, значительно ранее Смита был еще один автор, придававший разделению труда не меньшее значение в жизни общества, чем Смит, и создавший свою, достаточно развитую концепцию разделения труда (хотя он и не использовал этого термина) и положивший ее в основание своего описания наилучшего (с его точки зрения) общества. Это создатель философии Платон и его диалог «Государство» (кн. II, фр. 369b–374d). Не ставя себе целью в данной работе подробное рассмотрение платоновской концепции разделения труда, приведу лишь наиболее характерное место:

Поэтому можно сделать все в большем количестве [πλείων*], лучше [κάλλιον*] и легче [ῥᾶον*], если выполнять [πράττει*] одну какую-нибудь работу¹⁴ соответственно своим природным задаткам [ἐν κατὰ φύσιν*], и притом вовремя [ἐν καιρῷ*], не отвлекаясь на другие работы [σχολῇν τῶν ἄλλων ἄγων*]¹⁵.

(Государство, 370c; цит. по [39, с. 131]).

Здесь указаны почти все основные параметры платоновских представлений о разделении труда и, в основном, принятых взглядов на эту тему (с поправкой на существенно меньшую роль, приписываемую обычно природным задаткам). Основной тезис здесь: если «выполнять одну какую-нибудь работу <...>, не отвлекаясь на другие работы», то «можно сделать все в большем количестве, лучше и легче».

Схожую, но более узкую позицию находим и у Смита, указывавшего, что следствием разделения труда является увеличение его производительности:

Получающееся в результате разделения труда значительное увеличение производства всякого рода предметов приводит в обществе, надлежащим образом управляемом, к тому всеобщему благосостоянию, которое распространяется и на самые низшие слои народа.

[36, с. 25].

¹³ Например, итальянский меркантилист Антонио Серра со своим «Кратким трактатом о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов» [38]. В нем Серра указывает на развитие ремесел и производства как средство обогащения, что трактуется некоторыми экономистами как указание на роль разделения труда (обычно сопровождающееся ростом числа профессий в экономической системе). На мой взгляд, такая трактовка возможна только совместно с существенным домысливанием.

¹⁴ В греческом тексте этого слова нет.

¹⁵ Ближе к тексту: «Следовательно, каждый произведет этого больше, лучше и легче, когда делает нечто одно, в соответствии со [своей] природой, в надлежащее время, свободный от других забот».

Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда.

[36, с. 21].

Однако разделение труда в любом ремесле, в каких бы размерах оно ни было введено, вызывает соответствующее увеличение производительности труда. По-видимому, отделение друг от друга различных профессий и занятий вызывалось этим преимуществом.

[36, с. 22].

Как видим, Смит делает упор на количественный показатель, тогда как для традиционных досмитовских представлений (которых придерживается и Кант), характерен упор на качественное улучшение работы и ее результатов. Хотя, с учетом корреляции между скоростью выполнения работы и качеством ее результата, традиционные представления и позицию Смита по данному вопросу можно было бы считать почти совпадающими.

В качестве факторов, увеличивающих производительность, качество и легкость труда, называют: «природные задатки» (хотя Платон придает ему излишнюю значимость, этот фактор нельзя совсем сбрасывать со счетов); возможность делать работу «вовремя» (то есть в сроки, задаваемые внешними обстоятельствами); возможность делать свое дело, «не отвлекаясь на другие работы»; и др. По поводу второго и третьего факторов Платон в «Государстве» пишет:

Ясно, по-моему, и то, что стоит упустить время какой-нибудь работы, и ничего не выйдет. <...> И по-моему, никакая работа не захочет ждать, когда у работника появится досуг; наоборот, он постоянно должен уделять ей внимание, а не заниматься так, между прочим.

(Государство, 370b; цит. по [39, с. 131]).

У двух процитированных фрагментов из «Государства» имеется перекличка с «Домостроем» Ксенофонта:

Я заметил как-то, что от одного и того же занятия одни бывают чрезвычайно бедны, другие чрезвычайно богаты. Это меня страшно удивило, и я решил, что стоит посмотреть, в чем тут дело. Я стал наблюдать и нашел, что это вполне естественно: кто занимается делом кое-как, тот, я видел, терпит убыток; а кто с напряженным вниманием заботится о нем, тот исполняет его и скорее [θᾶττον], и легче [ῥᾶον*], и прибыльнее [κέρδαλεώτερον*].*

(Домострой, II 17–18, цит. по [40, с. 204]).

На возможность лучше сосредоточиться на работе и не отвлекаться от нее как на фактор, с одной стороны, вызываемый разделением труда, с другой стороны, влияющий на повышение эффективности работы при разделении труда, указывает и Смит.

Выгода, получаемая от сбережения времени, обыкновенно затрачиваемого на переход от одного вида работы к другому, значительно больше, чем мы в состоянии с первого взгляда представить себе.

[36, с. 24].

Невозможно очень быстро переходить от одного вида работы к другому, поскольку она выполняется в другом месте и с совершенно иными инструментами.

[36, с. 24].

Когда две различные работы могут выполняться в одной и той же мастерской, потеря времени, несомненно, значительно меньше. Однако даже и в этом случае она весьма

значительна. Рабочий обыкновенно делает небольшую передышку, переходя от одного вида работы к другому. Когда он принимается за новую работу, он редко проявляет сразу большое усердие и внимание; его голова, как выражаются, занята еще другим, и некоторое время он смотрит по сторонам, но не работает, как следует.

[36, с. 24].

Независимо поэтому от недостатка у него ловкости одна эта причина должна всегда значительно уменьшать количество труда, которое он способен выполнить.

[36, с. 24].

Но главный фактор, ведущий к повышению производительности труда, на который указывало большинство авторов до и во времена Смита, – это роль навыков, умений, мастерства. Платон, хотя и считал, что роль природных склонностей важна, понимал, что без должного воспитания и образования они ничто. Значимость для Платона фактора образования очевидна не только из его текстов, но и в гораздо большей степени из фактов его жизни, поскольку именно он был создателем первой в Афинах (и у греков вообще) собственно философской школы (в 387 г. до н. э.)¹⁶. Хотя для стражей Платон считает важным наличие определенных врожденных качеств, он прикладывает эту же мысль о необходимости соответствующих навыков и к военному делу.

А разве не важно хорошее выполнение всего, что относится к военному делу? Или оно настолько легко, что земледелец, сапожник, любой другой ремесленник может быть вместе с тем и воином? *Прилично играть в шашки или в кости никто не научится, если не занимался этим с детства, а играл так, между прочим.* Неужели же стоит только взять щит или другое оружие и запастись военным снаряжением – и сразу станешь способен сражаться, будь то в рядах гоплитов или других воинов? *Никакое орудие только оттого, что оно очутилось у кого-либо в руках, не сделает его сразу мастером или атлетом и будет бесполезно, если человек не умеет с ним обращаться и недостаточно упражнялся.*

(Государство, 374c–d; цит. по [39, с. 136]).

Но лучше всего эту мысль выразил Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе»:

<...> даровитым натурам больше всего нужно образование. Он приводил в доказательство этого тот факт, что и лошади хорошей породы, горячие, с норовом, становятся чрезвычайно полезными, превосходными, если их объездить с раннего возраста, но делаются совершенно неукротимыми, никуда не годными, если остаются необъезженными. Также и собаки хорошей породы, неутомимые и пригодные для ловли диких животных, бывают превосходны для охоты и полезны при хорошей дрессировке и, наоборот, тупы, бешены, непослушны, если их не дрессируют. То же бывает и с людьми высокодаровитыми: могучие духом, способные довести до конца начатое дело, они, если получают образование и научатся, в чем заключается долг человека, становятся отличными, в высшей степени полезными людьми, так что не счесть их великих деяний. Но, оставшись без образования, невеждами, они бывают очень дурными, вредными людьми: не будучи в состоянии разобраться, в чем заключается долг человека, они часто занимаются преступными

¹⁶ «Первая постоянная частная школа была создана Исократом в 393 г. в Афинах значительно раньше Академии Платона (основанной между 387 и 361 гг.). Она действовала в течение полувека. Это была *риторическая школа*, хотя сам Исократ всегда полагал, что преподает философию» [8, с. 12]. В качестве даты основания школы Исократ называют также 392 г. до н. э. (например, [41, с. 21]), в качестве даты основания Академии чаще называют 387 г. до н. э.

делами; они горды, заносчивы, трудно их удержать или отклонить от задуманного, так что нет числа их величайшим злодеяниям.

(Воспоминания, IV, 1, 3–4; цит. по [40, с. 114–115]).

К теме необходимости обучения Ксенократ обращается неоднократно. Так, и в другом месте «Воспоминаний» он пишет:

Подобно этому и во всем остальном, как я вижу, люди и по природе отличаются друг от друга, и в то же время благодаря упражнению достигают значительного успеха. А из этого следует, что все люди, как с хорошими, так и с плохими природными способностями должны учиться и упражняться в той области, в которой хотят стать заметными.

(Воспоминания, III, 9, 1–3; цит. по [40, с. 96–97]).

Из необходимости для совершенствования навыков и достижения мастерства постоянно упражняться следует отрицательное отношение к совмещению человеком разных занятий (профессий, специализаций). Это представление характерно для афинских авторов классического периода и далее повторяется вплоть до Нового времени. Оно является ключевым для рассматриваемых нами примеров аргументации. Так, Платон по этому поводу пишет: «можно сделать все в большем количестве, лучше и легче, если выполнять одну какую-нибудь работу» (Государство, II, 370c1–5; цит. по [39, с. 131]); «Кто лучше работает – тот, кто владеет многими искусствами [πολλὰς τέχνας*] или же только одним? – Тот, кто владеет одним» (Государство, II, 370b; цит. по [39, с. 131]); «каждый может хорошо заниматься лишь одним делом, а не многими: если он попытается взяться за многое, ему ничего не удастся и ни в чем он не отличится» (Государство, III, 394e; цит. по [39, с. 159]).

Мысль о необходимости постоянных тренировок в одном деле у античных авторов встречается неоднократно. Например, в «Киропедии» Ксенофонт рассказывает об устройстве военной подготовки персов при Кире:

После этого солдатам ничего другого не оставалось делать, кроме как заниматься воинскими упражнениями. Кир был уверен, что только тот в совершенстве овладеет каким-либо искусством, кто *оставит без внимания все остальное и устремит все свои силы на изучение избранного предмета*. Поэтому он исключил из воинских упражнений стрельбу из лука и метание дротика, оставив лишь боевые упражнения в панцире, с мечом и щитом.

(Киропедия, II, 1, 21; цит. по [42, с. 40]).

Но уже до Платона и Ксенофонта о роли постоянных упражнений для выработки навыков писал в своей «Истории» Фукидид (речь Перикла о спартамцах, в которой он старается убедить афинян не уклоняться от войны со Спартой):

Оттого-то при отсутствии упражнения они всегда останутся менее искусными мореходами и именно поэтому – более нерешительными. Морское дело – *это искусство, как и всякое другое, и ему нельзя предаваться от случая к случаю, и даже – более того – наряду с ним не должно заниматься ничем другим, а посвящать ему все силы*.

(Фукидид, История, I, 142.8–9; цит. по [43, с. 63]).

В связи с необходимостью постоянного выработки навыков находится и следующее, хотя и несколько чужеродное, место из «Государства» (374b): «чтобы у нас успешнее шло сапожное дело, мы запретили сапожнику даже пытаться стать земледельцем, или ткачом, или домостроителем» [39, с. 136]. В данном диалоге это единственное место с запретительными выводами из представлений о разделении труда, но в «Законах» Платон развивает это следствие:

С ремесленниками надо поступить так: прежде всего пусть никто из местных жителей, а также их рабов не занимается ремеслами. Дело в том, что гражданину достаточно владеть тем искусством, которое одновременно нуждается в упражнении и во многих познаниях, это – умение поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство. Гражданин не может этим заниматься так, между прочим. *Усердно же предаваться двум занятиям или двум искусствам не способен, пожалуй, по своей природе ни один человек*, так же как никто не может и сам упражняться в чем-то как надо, и одновременно руководить упражнениями других. Вот это-то и должно осуществиться в государстве. Ни один кузнец не должен одновременно заниматься и плотничьим делом; в свою очередь и плотник не должен заботиться о чужом для него кузнечном деле больше, чем о своем собственном ремесле, под тем предлогом, что, управляя многочисленными работающими на него рабами, он, естественно, должен иметь большее попечение об их занятиях, поскольку доход от их кузнечного дела превышает доход от его собственного ремесла. Нет, в государстве каждый должен владеть только одним ремеслом, которое и доставляет ему средства к жизни. Астиномы должны усердно следить за соблюдением этого закона. И если кто из местных жителей больше склоняется к какому-то ремеслу, чем к заботам о добродетели, астиномы должны его удержать, угрожая бесчестьем, пока он не исправится и не последует своей дорогой. Если кто из чужеземцев станет заниматься двумя ремеслами, то его под страхом тюрьмы, денежной пени и высылки из государства принуждают быть одним человеком, а не многими сразу.

(Законы, VIII, р. 846d–847b; цит. по: [44, с. 301]).

Аналогичное суждение находим в «Бусирисе» Исократа:

Установив определенное соотношение различных профессий, при котором дела государства могли развиваться наилучшим образом, Бусирис *приказал, чтобы каждый занимался своим делом постоянно*: ведь он знал, что человек, который меняет свои занятия, не знает толком ни одного. Тот же, кто ограничивает себя одним делом, достигает в нем совершенства. Поэтому-то мы видим, что египетские ремесленники превосходят ремесленников других стран больше, чем те – людей, вовсе незнакомых с ремеслами.

(Бусирис, 16–17; цит. по [45, с. 218]).

Как видим, представления о том, что специализация (сопровождающая разделение труда) ведет к повышению мастерства, а недостаток или отсутствие специализации – к недостаточной искусности, часто встречаются у афинских авторов классического периода. Именно этот принцип будет использоваться в двух обсуждаемых примерах аргументации. Представления о ключевой роли навыков в выгодах, получаемых от разделения труда, находим и у Смита. Более того, поскольку Смит пренебрегает фактором природных способностей, то роль благоприобретенных навыков для него еще выше.

Различные люди отличаются друг от друга своими естественными способностями гораздо меньше, чем мы предполагаем, и самое различие способностей, которыми отличаются люди в своем зрелом возрасте, во многих случаях является не столько причиной, сколько следствием разделения труда. Различие между самыми несхожими характерами <...> создается, по-видимому, не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием.

[36, с. 28].

Развитие ловкости рабочего обязательно увеличивает количество работы, которое он в

состоянии выполнить, а разделение труда, сводя работу каждого рабочего к какой-нибудь простой операции и делая эту операцию единственным занятием всей его жизни, необходимо в значительной мере увеличивает ловкость рабочего.

[36, с. 23].

Роль навыков в увеличении производительности труда Смит иллюстрирует и обосновывает примером деятельности кузнеца.

Обыкновенный кузнец, хотя и привычный к работе молотом, но никогда не выделявавший гвоздей, в случае поручения ему этой работы вряд ли окажется в состоянии, я в этом уверен, выделывать более 200 или 300 гвоздей в день, и притом очень плохих. Кузнец, привыкший изготавливать гвозди, но не занимавшийся исключительно или преимущественно этим делом, редко может при крайнем старании выделывать больше 800 или 1000 гвоздей в день. Я видел многих юношей, не достигших 20 лет, которые никогда не занимались другим делом, кроме выделки гвоздей, и которые при напряженном труде могли выделять каждый свыше 2300 гвоздей в день. А между тем выделка гвоздей отнюдь не является одною из простейших операций.

[36, с. 23].

Но есть одно различие в аргументации Смита и античных авторов. Античные авторы, а вместе с ними и Кант, обращают внимание на то, что если не упражняться достаточно (а фактически, постоянно), то *невозможно* достигнуть настоящего мастерства. В отличие от них Смит говорит об *увеличении* как качества, так и производительности труда, идущем вслед за увеличением специализации. То есть традиционная аргументация, используемая и в тех двух случаях, к анализу которых мы постепенно подходим, указывает на *недостаток* специализации (при недостаточном разделении труда) как на фактор, *негативно* влияющий на скорость и/или качество работы. Можно назвать это негативной аргументацией. Тогда как Смит указывает на *увеличение* специализации как на фактор, *позитивно* влияющий на скорость и/или качество работы. Это, соответственно, можно назвать это позитивной аргументацией.

4. Разделение труда и научно-технический прогресс

В явном виде о связи разделения труда и научно-технического прогресса впервые заявил, видимо, все же Смит. Так, выделяя три фактора, ведущие к увеличению производительности труда при углублении разделения труда, Смит пишет:

Такое значительное увеличение количества работы, которое может выполнить в результате разделения труда одно и то же число рабочих, зависит от трех различных условий: во-первых, от увеличения ловкости каждого отдельного рабочего; во-вторых, от экономии времени, которое обыкновенно теряется на переход от одного вида труда к другому; и, наконец, от изобретения большого количества машин, облегчающих и сокращающих труд и позволяющих одному человеку выполнять работу нескольких.

[36, с. 23].

Первые два фактора мы уже обсудили и теперь очередь за третьим.

<...> понятно, как облегчается и сокращается труд благодаря применению надлежащих машин. <...> изобретение всех машин, облегчающих и сокращающих труд, следует, по-видимому, приписывать разделению труда. Люди скорее открывают *более легкие и быстрые* способы для достижения какого-нибудь результата, когда все внимание их умственных способностей направлено к одной лишь определенной цели, чем когда оно рассеивается на большое количество разных предметов. Вследствие разделения труда все

внимание каждого работника, естественно, направляется на какой-нибудь один очень простой предмет. Естественно поэтому ожидать, что кто-либо из тех, кто занят в каждой специальной операции, скорее откроет *более легкий и быстрый* способ выполнения своей специальной работы, поскольку ее характер допускает это. Значительная часть машин, употребляемых в тех мануфактурах, где проведено наибольшее разделение труда, была первоначально изобретена простыми рабочими. Те, кому приходилось часто посещать такие мануфактуры, должны были видеть весьма хорошие машины, изобретенные самими рабочими в целях *ускорения и облегчения* выполняемой ими специальной работы.

[36, с. 24].

Это Смит иллюстрирует примером с изобретательным мальчиком [36, с. 24]. Но Смит на этом не останавливается, а переносит принцип повышения производительности при разделении труда на инженерию и науку.

<...> не все усовершенствования машин явились изобретением тех, кому приходилось работать при машинах. *Многие усовершенствования были произведены благодаря изобретательности машиностроителей, когда производство машин сделалось особой отраслью промышленности, а некоторые – теми, кого называют учеными, или теоретиками, <...>* С прогрессом общества наука, или умозрение, становится, как и всякое другое занятие, главной или единственной профессией и занятием особого класса граждан. Подобно всякому иному занятию, она тоже распадается на большое число различных специальностей, из которых каждая доставляет занятие особому разряду или классу ученых; такое разделение занятий в науке, как и во всяком другом деле, увеличивает умение и сберегает время. Каждый отдельный работник становится более опытным и сведущим в своей особой специальности; в целом производится больше работы, и значительно возрастают достижения науки.

[36, с. 25].

Исходя из общих представлений о повышении производительности труда при росте уровня его разделения, вполне логично ожидать такого же эффекта и от разделения труда в науке. По крайней мере, на протяжении нескольких веков рост роли научного знания, и в обществе вообще, и в производстве, в частности, шел параллельно с дифференциацией исследовательских областей и углублением научной специализации. Так что механизмы имевшего место научно-технического прогресса вполне допустимо трактовать в духе Смита как следствие роста разделения труда в научной и инженерной сферах.

Вроде бы естественным и даже банальным кажется применение этого принципа к философии. Но рассматриваемые примеры обращения к принципам разделения труда имеют специфические нюансы. Во-первых, они характерны тем, что сделаны вне парадигмы научно-технического прогресса (первый вообще относится к античности, то есть к доиндустриальной эпохе). С другой стороны, с точки зрения идеологии науки, эти случаи аргументации носят скорее ретроградный характер, поскольку направлены не на дифференциацию знания, а на ограждение философии от излишнего влияния развивающейся науки (как бы условно ни понимать слово «наука» применительно к соответствующим эпохам).

5. Два случая обращения к принципам разделения труда для аргументации против смешения философии и науки

Перейдем теперь к сравнительному анализу двух заявленных ранее примеров аргументации: из диалога «Соперники», некогда приписывавшегося Платону и до сих пор включающегося в собрания его сочинений, и из предисловия к «Основоположению к

метафизике нравов» И. Канта.

Оба рассматриваемых автора проводят в своих рассуждениях **различение некоторого философского ядра** (понимаемого каждым из них по-своему) и **периферии**, которую мы более или менее условно можем сопоставить с наукой. В каждом из двух текстов под вторым членом различения описывается некоторая практика, отличная от философского ядра, которая в контексте эпохи написания текста может быть признана соответствующей исторической формой науки (насколько вообще можно говорить о науке до XIX–XX вв.). Сопоставление этого члена различения с наукой, конечно, не столько вытекает из самих текстов, сколько подсказывается исходным интересом к прояснению проблемы соотношения философии и науки. Тем не менее, такая трактовка не произвол, а вполне корректная (для некоторых целей и в некоторых пределах) интерпретация.

В «Соперниках» первый член различения утверждается как собственно философия в ее правильном понимании как искусства управления людьми в доме и государстве, совпадающего со справедливостью (δικαιοσύνη) и рассудительностью (σωφροσύνη):

Как видно, все это одно и то же – царь, тиран, политик, домохозяин, господин, человек рассудительный [σώφρων*] и справедливый [δίκαιος*]. И искусство [τέχνη] это также одно – тираническое, господское, хозяйское, а также искусство справедливости [δικαιοσύνη*] и разума [σωφροσύνη*].

Соперники, 138c [19, с. 413].

Такому пониманию философии в «Соперниках» противопоставляется понимание ее как «многознания» (πολυμαθία, πολυμάθεια):

Так что же это такое? – спросил я.

Да не что иное, как то, о чем говорит Солон; ведь у него где-то сказано:

Стареюсь в постоянном я многоучении [πολλὰ διδασκόμενος*].

Соперники, 133c3–6 [19, с. 405].

<...> я спросил, считает ли он философией многознание [πολυμαθία*]?

А он: «Конечно», – говорит.

Соперники, 133c9–d [19, с. 405–406].

<...> подобно тому, как в области философствования я считаю любовью к мудрости многознание [πολυμαθία*]?

Соперники, 133e [19, с. 406].

– Я постигаю, какого мужа ты считаешь философом: мне кажется, согласно твоим словам, он походит на многоборцев в состязаниях <...>

– Мне кажется, мой Сократ, – сказал он, – ты прекрасно понял, что такое философ, сравнив его с многоборцем.

Соперники, 135e–136a [19, с. 409].

По мнению И. Адо, под πολυμάθεια (πολυμαθία¹⁷) в диалоге понимается не просто эрудированность, но различные созданные или развитые Аристотелем исследовательские дисциплины, а сам диалог полемически направлен против аристотелевской концепции всестороннего образования [8, с. 20]. Применительно к античности можно говорить о нескольких исторически сменяющих друг друга претендентах на название «наук» (хотя и в некоторых условных смыслах этого слова). Во-первых, это упоминавшиеся выше αἱ ἱστορίαι и τὰ μαθήματα. Во-вторых, это области знаний (αἱ ἐπιστήμαι), кодифицированные или

¹⁷ Обсуждая антиаристотелевские мотивы диалога «Соперников» [8, с. 15–23], И. Адо использует слово πολυμάθεια там, где в [3] употреблено πολυμαθία.

созданные и развиваемые Аристотелем и его учениками. В-третьих, это продолжающая традицию перипатетизма александрийская «наука», развившаяся на базе александрийского Мусейона (включая и знаменитую Библиотеку). Таким образом, применительно к времени написания диалога и гипотезе И. Адо, *πολυμαθία* вполне может (с соответствующими оговорками) трактоваться как «наука».

При этом автор «Соперников» представляет своих персонажей исходящими из «неправильного» понимания философии как многознания и постепенно подводя их к ее «правильному» пониманию.

– Что ж, станем ли мы утверждать и тут, – спросил я, – что философ *должен быть* подобен многоборцу, не достигшему совершенства, и претендовать всегда лишь на второе место в этом искусстве, будучи бесполезным всегда, когда присутствует кто-либо из таких мастеров, или же ему *надлежит быть* первым в своем доме, не поручать управление им другому и *не довольствоваться* в этом деле вторыми местами, но правильно судить и укрощать своих домашних, если он хочет, чтобы его дом имел хорошее управление?

Он согласился с моим мнением.

Соперники, 138e [19, с. 413].

Как мне кажется, установление именно такого «правильного» понимания философии не является целью инсценированной в диалоге дискуссии, отсюда и неубедительность предлагаемой «правильной» трактовки философии. На мой взгляд, основной целью в диалоге является опровержение понимания философии как многознания (*πολυμαθία*). В пользу такого взгляда автора «Соперников» на цель полемики говорит то, что после приведенного совещательного вывода, в самом конце диалога автор повторяет (и это есть главный вывод диалога):

– Итак, достойнейший мой, философия отнюдь не многознание (*πολυμαθία*) и не суетное ремесленничество (*ἡ περὶ τὰς τέχνας πρᾶγμα*).

Соперники, 139 [19, с. 413].

У Канта все более явно. И по трактовке «философии» и «науки», и по структуре, поскольку Кант начинает свое введение с проведения серии различий. В интересующем нас различии Кант первый член называет чистой философией и противопоставляет его эмпирической философии (науке):

Всякую философию [*Philosophie**], поскольку она опирается на основания опыта, можно назвать эмпирической [*empirischer**], а ту, которая излагает свое учение исключительно из принципов *a priori*, – чистой [*reine**] философией.

[1, с. 43].

То, что сам Кант слова «философия» и «наука» использовал как синонимы не должно смущать. То, что кантовское различие «эмпирической» и «чистой» «философии»/«науки» можно достаточно уверенно сопоставить современному различию философии и науки явствует из разъяснений самого Канта, что к «эмпирической философии» относятся физика (*Physik*) и практическая антропология (*praktische Anthropologie*), а к «чистой философии» – логика (*Logik*), метафизика природы (*Metaphysik der Natur*) и метафизика нравов (*Metaphysik der Sitten*) [1, с. 43]¹⁸.

¹⁸ В рамках институционального подхода, которого придерживается автор, о раздельном существовании философии и науки можно говорить, если в данной культуре (эпохе) произошло институциональное становление «философии» и «науки» как *разных* областей общественной жизни. О времени Канта (какую бы национальную культуру ни рассматривать) о таком разделении еще не может быть и речи. Но существуют и другие подходы, даже вписывающиеся в более широко

Оба автора приходят к *требованию* ограждения своего философского ядра от вредного влияния периферии. Хотя у обоих авторов это требование замаскировано: в «Соперниках» – под риторический вопрос, в «Основоположении...» – под контрфактическое суждение, – оно вполне явно выражено:

<...> станем ли мы утверждать и тут, <...> что философ *должен быть* [δεῖν εἶναι*] подобен многоборцу <...> или же ему *надлежит быть* <...>?

Соперники, 138e [19, с. 413];

<...> не лучше ли обстояло бы дело <...>, – если бы они *получили предупреждение* [gewarnt würden*] о *недопустимости* [nicht ... zu treiben*] одновременного занятия двумя делами <...>.

[1, с. 45].

Как видим, Кант вслед за «Законами» Платона (Законы, VIII, р. 846d–847b) и замечаниями некоторых других античных авторов (Исократ, Бусириис, 16–17; Ксенофонт, Киropедия, II, 1, 21) актуализирует тему запрета на совмещение нескольких «профессий». А тех, кто занимается несколькими делами одновременно, оба автора обвиняют в дилетантизме: *Stümper* – их эпитет у Канта [1, с. 44], в «Соперниках» же это: вечно занимающие только вторые места (например, «ταύτης μὲν τὰ δευτέρῃα ἔχοντα», 138e), бесполезные (ἄχρηστος, 137b) в присутствии мастеров, неотесанные (βαναύσοις, 137b5) и т.п. (135e–136a, 136c–137b, 138e).

Таким образом, оба автора выдвигают в своей аргументации некоторые практические рекомендации, или, как принято говорить, аргументация у них носит совещательный характер. Но при всем сходстве некоторых важных аспектов мышления этих авторов, выдвигаемые ими практические рекомендации различаются по целому ряду параметров. Эти различия сведены в мной представленную ниже таблицу.

	Различия	«Соперники»	«Основоположение...»
1.	субъект вменения	«философы» (подлинные философы)	«ученые» (эмпирические философы)
2.	тип рекомендации	настоятельный совет, рекомендация воздержаться от действия	предписание воздержаться от действия, запрет действия (выражено в форме пожелания такого предписания)
3.	действие, вменяемое к воздержанию	занятие «науками» (полиматия)	занятие «философией» (рациональной философией), ее оценивание, критика
4.	цель вменения	не распылять свои силы, не отвлекаться, направить их целиком на занятие философией	охрана «философии» (рациональной философии) от помех и неудобств, создаваемых «науками» (эмпирической философией)

Таким образом, оба автора выступают против смешения в деятельности одного человека

понимаемый институциональный подход. Так, отечественный философ науки и культуры М.К. Петров связывал появление науки с формированием механизма журнальной публикации, обеспечивающей научную «трансмутацию» (термин Петрова) – перевод личного знания ученого в публичное достояние (в публичное достояние науки, а через нее и всего общества). В качестве условного момента возникновения этого механизма он считал 1665 г. – год выхода первого номера «Философских транзакций Королевского общества». См., например, третью часть его работы «Самосознание и научное творчество» [46, с. 104–182] и статью «Возникновение опытной науки в Европе XVI – XVIII веков» [46, с. 215–252].

занятий «философией» и «наукой», но осуществляют это по-разному. Автор «Соперников» несколько высокомерно советует не тратить свои силы и внимание на занятие «науками» (πολυμαθία), чтобы сосредоточиться исключительно на «философии» (самом прекрасном и полезном из всех человеческих занятий). Тогда как Кант, как кажется, несколько обиженно и раздраженно, выражает желание, чтобы кто-нибудь запретил «ученым» (эмпирическим философам) совать свой нос в дела «философии» (рациональной философии). Здесь я использовал эмфатический оборот, который, как мне кажется, наиболее точно передает кантовское желание. Кант указывает на обидные оценки эмпирическими философами («учеными») чистых философов (называние их «умствователями», *Grübler*) и на коммерчески успешные проекты эмпирических философов («ученых»), занимающихся также и рациональной философией, что позволяет видеть в недовольстве Канта и карьерно-финансовую подоплеку («те, кто привык торговать смесью эмпирического и рационального во всевозможных им самим неведомых пропорциях, принаровляясь ко вкусу публики» [1, с. 45]). В принципе, позиции обоих авторов соответствуют соотношению «философии» и «науки» в их эпоху. Вторая половина IV – начало III вв. до н.э. – эпоха интенсивного становления и утверждения философии как социального института и начала развития в ее лоне будущих научных дисциплин. Почти никакой опасности реальной конкуренции со стороны этих дисциплин для философского ядра нет. Кант живет в другую эпоху, когда в институциональных рамках философии уже почти сформировалась новая эмпирическая наука, которая пытается разрушить старые организационные формы, освободиться от них, а вместе с ними и ликвидировать не соответствующие ее идеалам разделы прежней философии.

Хочется отметить также еще один важный с историко-философской точки зрения момент. Фактически, Кант выступает здесь против современных ему предтеч позитивизма («кто называет себя самостоятельными мыслителями, других же, подготавливающих сугубо рациональную часть, именует умствователями» [1, с. 45]). Цель – *указать* философам-эмпирикам («те, кто привык торговать смесью эмпирического и рационального во всевозможных им самим неведомых пропорциях» [1, с. 45]) *их место* и разграничить «сферы ответственности» («Далеко не самым недостойным предметом для размышления был бы поэтому вопрос: не требует ли чистая философия [*reine Philosophie*]* в совокупности всех ее частей особого ученого мужа» [1, с. 45]), чтобы философы (эмпирические философы) «получили предупреждение о недопустимости одновременного занятия двумя делами, весьма различными по способу их ведения, требующими, возможно, каждое особого таланта» [1, с. 45]. Таким образом, Кант разделяет тех философов, кого позже, в позитивизме назовут метафизиками (куда он относит и себя), и тех философов, которые назовут себя позитивными философами, или учеными.

Но, несмотря на такие различия в социокультурном контексте создания этих текстов и в структуре и формах выдвигаемых в них требований, для аргументации в пользу этих требований оба автора обращаются к одному и тому же принципу (топу) традиционной культуры. Этот топ можно сформулировать так: чтобы достигнуть мастерства в некотором деле, необходимо заниматься только им; тот, кто совмещает несколько занятий, тот никогда не будет достаточно искусен ни в одном из них. Выше мы рассмотрели распространение такого взгляда в античной и нововременной культуре, и делаемые из него некоторыми античными авторами запретительные выводы. Рассмотрим, как этот традиционный топ выражен в обсуждаемых текстах.

«Основоположение к метафизике нравов» Иммануила Канта выходит из печати в 1785 г. – через девять лет после выхода в 1776 г. «Исследования о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. Тем не менее, Кант, как несколькими десятилетиями позже него

Гёте [47]¹⁹, еще придерживается традиционных представлений на эффекты разделения труда. В предисловии к «Основоположению...» Кант пишет:

Все промыслы, ремесла и искусства [Gewerbe, Handwerke und Künste*] выиграли от разделения труда [Verteilung der Arbeiten*], а именно от устройства, когда не один человек делает все, но каждый ограничивается определенной работой, заметно отличающейся от других способом ее выполнения, чтобы с тем большим совершенством [Vollkommenheit*] и большей легкостью [Leichtigkeit*] суметь исполнить ее. Где работы не различены и не разделены [nicht unterschieden und verteilt werden*], где каждый является мастером на все руки, там ремесла [Gewerbe*] находятся еще в состоянии величайшего варварства.

[1, с. 43].

Эта мысль неоднократно появляется в кантовских подготовительных записях к курсу лекций по антропологии. Приведу несколько примеров из сделанной А.Н. Кругловым подборки высказываний Канта о России и русских, опубликованной в качестве приложения к [48, с. 387–429]. Все три примера взяты Кругловым из различных изданий кантовских «Лекций по антропологии».

В так называемой «Anthropologie Dohna-Wundlacken» (манускрипт 1791/1792 учебного года с частичными добавлениями 1793 г.) Кант пишет:

Они все делают сами, а потому никакие искусства и ремесла не могут достичь у них значительного прогресса.

[49, S. 271]; цит. по: [48, с. 413].

В другом месте этого же издания Кант передает эту же мысль более развернуто:

Он обладает большой сноровкой все мастерить самому. (Прим. *Народы, у которых отдельные его представители столь искусны, что могут себе все сами смастерить, являются наиболее незрелыми. Это доказывают русские.*) Крестьянин при необходимости сам изготавливает себе обувь, повозку и постоянно что-то мастерит, как мы это называем. Однако он делает это тяп-ляп, насколько это достаточно для его целей. Он даже строит собственный дом и т.д. – но именно потому, что здесь каждый сам все делает, искусства и ремесла пребывают в плохом состоянии. Городов и мастеров мало. Если существуют первые, то крестьяне должны только обрабатывать землю, а свои потребности удовлетворять в городе. Так возникает не только множество городов, поскольку потребности велики, но и они, в свою очередь, потребляют продукты крестьянина, которые он продает, а на вырученные деньги покупает в городе то, в чем нуждается.

[49, S. 358–360]; цит. по: [48, с. 414–415].

В «Anthropologie Matuszewski» Кант повторяет это почти дословно в одном из примечаний:

Примечание. *Народы, у которых отдельные его представители столь искусны, что могут себе все сами смастерить, являются наиболее незрелыми. Это доказывают русские.* Крестьянин при необходимости сам изготавливает себе обувь, повозку и постоянно что-то мастерит, как мы это называем, однако он делает это тяп-ляп, насколько это достаточно для его целей, хотя это и не служит долго. Он даже строит собственный дом,

¹⁹ Эта тема неоднократно поднимается в эккермановских записях разговоров с Гёте за 1824–1825 гг. Любопытно, что Эккерман обращает эту тему и на самого Гёте, задаваясь вопросом, почему Гёте, придерживаясь таких взглядов на разделение профессий и даже более узко взятых занятий, сам, по видимости, нарушал собственный принцип и был в своих интересах и занятиях весьма разносторонен (даже по меркам того времени)?

изготавливает свою одежду и в этом смысле более умен и смекалист, чем все другие нации. Но именно потому, что здесь каждый сам все делает, искусства и ремесла пребывают в плохом состоянии. Городов и мастеров мало. Если существуют города, то крестьяне должны только обрабатывать землю, а свои потребности удовлетворять в городе. Так возникает не только множество городов, поскольку потребности велики, но и они, в свою очередь, потребляют продукты крестьянина, которые он продает, а на вырученные деньги покупает в городе то, в чем нуждается.

[50, S. 443–445]; цит. по: [48, с. 417–418].

Итак, оба автора проводят различие *A* между философским ядром и периферией, которые условно можно отождествить с «философией» и «наукой», соответственно. Эта философская периферия ошибочно принимается за философию («Соперники») или путается с философией в целом («Основоположение...»). Оба автора делают вывод *B* о вредности такого смешения «философии» (философского ядра) и «науки» (философской периферии) и высказывают в связи с этим некоторые практические рекомендации. Чтобы подвести читателя к *B*, оба автора обращаются к традиционному топу *C* о разделении труда и связанных с ним культурно-экономических эффектах. Но само соединение этих тем в рамках рассуждения осуществляется автором «Соперников» и Кантом по-разному. Еще больше различий возникает в ходе конкретной реализации аргументации в «Соперниках» и в «Основоположении...»

6. Построение рассуждения в «Основоположении к метафизике нравов»

Проще устроена аргументация Канта. Весь рассматриваемый фрагмент занимает два абзаца: в первом абзаце проводится различие чистой и эмпирической философии (шаг 1), второй абзац содержит все анализируемые далее рассуждения. Начинается этот абзац с актуализации топа о разделении труда (шаг 2) [1, с. 43]. После чего Кант подводит различие (1) под топ (2) (шаг 3). Отсюда делается вывод «о недопустимости одновременного занятия двумя делами» (шаг 4). Шаги 3 и 4 сложно отделить друг от друга, у Канта они выглядят так:

Далеко не самым недостойным предметом для размышления был бы поэтому вопрос: не требует ли чистая философия [*reine Philosophie**] в совокупности всех ее частей особого [ученого]²⁰ мужа, и не лучше ли обстояло бы дело с нашим ученым промыслом [*gelehrten Gewerbes**] в целом, если бы те, кто привык торговать смесью эмпирического и рационального во всевозможных им самим неведомых пропорциях, приноравливаясь ко вкусу публики; кто называет себя самостоятельными мыслителями [*Selbstdenker**], других же, подготавливающих сугубо рациональную часть, именует умствователями [*Grübler**], – если бы они получили предупреждение [*gewarnt würden**] о недопустимости [*nicht ... zu treiben**] одновременного занятия двумя делами, весьма различными по способу их ведения, требующими, возможно, каждого особого таланта и при совмещении их в одном лице порождающими лишь дилетантов [*Stümper**].

[1, с. 43–45].

Как видим, Кант апеллирует к общественной пользе в форме возможной пользы для «ученого промысла в целом» и ради нее предлагает ввести фактически запрет на совмещение профессий: «не лучше ли обстояло бы дело с нашим ученым промыслом в

²⁰ Здесь и далее звездочкой при квадратных скобках отмечены слова, присутствующие в цитируемом переводе, но отсутствующие в оригинальном тексте. Такие изъятия я провожу только в случае важных для моего рассмотрения слов.

целом, если бы те, кто привык торговать смесью эмпирического и рационального <...>, <...> получили предупреждение о недопустимости одновременного занятия двумя делами, весьма различными по способу их ведения, требующими, возможно, каждое особого таланта» [1, с. 45]. Таким образом, Кант вслед за «Законами» Платона (Законы, VIII, р. 846d–847b), «Бусирисом» Исократа (16–17), «Киропедией» Ксенофонта (кн. II, 1, 21) актуализирует тему репрессивных следствий, к которым подталкивает принятие традиционного топа о разделении труда.

В продолжение абзаца Кант развивает тему разделения и профессионализации двух, введенных на шаге 1 частей философии. От необходимости избегать совмещения эмпирической и чистой философии в рамках занятий одного человека (на предыдущем шаге говорилось «о недопустимости одновременного занятия двумя делами, весьма различными по способу их ведения, требующими, возможно, каждое особого таланта» [1, с. 45]) Кант (шаг 5) переходит к утверждению о необходимости последовательного разделения самих этих частей философии (эмпирической и чистой) («не требует ли сама природа науки постоянно и тщательно отделять эмпирическую часть ее от рациональной» [1, с. 45]). Этот вывод можно рассматривать как основной тезис кантовской аргументации, хотя Кант и формулирует его в виде риторического вопроса:

И однако же здесь я спрашиваю только: не требует ли сама природа науки [*Wissenschaft**] постоянно и тщательно отделять эмпирическую часть ее от рациональной и предпосылать собственно так называемой (эмпирической) физике метафизику природы, а практической антропологии – метафизику нравов, долженствующую быть тщетно очищенной от всего эмпирического, чтобы возможно было узнать, сколь многого может достичь в обоих случаях чистый разум, и из каких источников черпает он сам *a priori* это свое поучение <...>

[1, с. 45].

7. Построение вывода, что философия – не многознание, в псевдо-платоновских «Соперниках»

Более сложно устроена аргументация в диалоге «Соперники». Она отличается уже на уровне связи трех выделенных выше базовых тем (А, В и С). Кант строит прямое рассуждение: он вводит различие А, потом топ о разделении труда С, потом подводит А под С и за счет этого получается вывод В. В отличие от Канта и в соответствии с распространенным приемом Платона, в «Соперниках» построение рассуждения строится методом сведения к абсурду. В начале в качестве единственного понимания философии принимается то, которое к концу диалога будет отвергнуто (отнесено к философской периферии) – многознание, *πολυμαθία*. В ходе анализа этого понимания вводится топ С о разделении труда. Но подводится под этот топ не различие А философского ядра и периферии; этого различия еще нет и его построение является одним из результатов диалога; автор «Соперников» подводит под С саму философию, понимаемую как многознание, *πολυμαθία*, на основании того, что это *много*-знание. Следовательно, в соответствии с топом С, им не может успешно заниматься один человек. Поскольку это понимание философии «фальсифицировано», оно заменяется другим, а относительно исходного понимания принимается утверждение, что философу нужно избегать занятий философией как *много*-знанием. То есть различие двух трактовок философии (как философского ядра и периферии) выводится как итог рассуждения. Это общая схема рассуждения.

Рассмотрим теперь более детально ход рассуждения в диалоге «Соперники». Начинается рассуждение с фиксации, что философствование прекрасно (шаг 1, 133b) и что философствование существует (шаг 2, 133c):

- Что ж, – спросил я, – кажется ли тебе возможным знать о какой-либо вещи, прекрасна она или безобразна, если не знать, прежде всего, что она существует?
- Нет, это невозможно, – отвечал он.
- Итак, – спросил я, – тебе известно, что философствование существует?
- Безусловно, – отвечал он.

Соперники, 133b–133c [19, с. 405].

На шаге 3 ставится вопрос «Так что же это такое?» (там же) и получается ответ, что это – многознание, *πολυμαθία* (133c–133d). Шаг 4 – выяснение, что философия – дело не только прекрасное (*καλός*), но и благое (*ἀγαθός*) (133d). В «диалектических спорах», практиковавшихся в качестве учебного и исследовательского приема в Академии, целью «спрашивающего» было путем постановки вопросов и получения на них ответов от «отвечающего» подвести того к парадоксальным выводам и противоречию²¹. Уже на этих первых шагах «Сократ» фактически выполнил эту задачу: им получены два утверждения о философии, которые далее приведут к противоречию: то, что философия – дело прекрасное и благое (это утверждение останется неизменным), и то, что философия – многознание (это утверждение после получения противоречия будет отброшено и заменено другим пониманием философии).

Теперь задачей аргументации становится демонстрация того, что эти два утверждения противоречат друг другу. Для этого осуществляется обращение к традиционному топу о разделении труда. Но автор «Соперников» постепенно подводит к этому своих персонажей и читателей. Вначале он устанавливает основания для последующего подведения философии и ее понимания как многознания под топ о разделении труда. Это осуществляется за счет установления аналогии между философией и «любовью к гимнастике» (*ἡ φιλογυμναστία*). Это осуществляется в два этапа. На первом этапе (шаг 5) устанавливается, что любовь к телесным упражнениям (подобно философии) – дело прекрасное и благое (133d–133e). А на шаге 6 устанавливается аналогия между философией как многознанием (*ἡ πολυμαθία*) и «любовью к гимнастике» (*ἡ φιλογυμναστία*) как многоделанием (*ἡ πολυπονία*):

Тогда я его спросил:

– Значит, и в области телесных упражнений ты считаешь многоделанье любовью к гимнастике?

И он ответил:

– Конечно же, подобно тому, как в области философствования я считаю любовью к мудрости многознание.

Соперники, 133e [19, с. 406].

После установления этой аналогии, «Сократ» на материале гимнастики вывод некоторые положения и переносит их на философию. Первое, что устанавливается на материале гимнастики (шаг 7, 133e–134d), – что к крепости тела (цель любителей гимнастики) (133e) и хорошее самочувствие (134c) достигаются умеренностью: умеренными упражнениями, умеренным питанием и т.п.:

Далее я побуждал его признать, что и все остальное, касающееся тела, наиболее полезно, если оно умеренно, а не велико и не мало. И он согласился с тем, что полезно умеренное.

Соперники, 134d [19, с. 407].

²¹ Эту практику разбирает Т. Эберт в [51, с. 56–63] и использует далее для анализа дискуссий в диалоге «Федон». Принципы таких споров описаны Аристотелем в VIII книге Топики (VIII 1, 155b4–7; VIII 4, 159a18–24).

Шаг 8 – перенесение этих выводов на душу и «науки» (τά μαθήματα), как то, занятия чем полезны для души (134d–134e):

Ну а относительно души что ты скажешь? Содействует ее пользе все умеренное или, наоборот, лишнее меры?

– Умеренное, – отвечал он.

– Но разве науки [τά μαθήματα*] не находятся в числе того, что помогает душе?

Он это подтвердил.

– Но значит и науки [эти, они*] помогают в умеренном количестве, а не в большом?

Он со мной согласился.

Соперники, 134d4–134d11 [19, с. 407].

Здесь возникает некоторая заминка. Сократ поднимает тему специалиста, к которому нужно обращаться по тому или иному вопросу. За советом по поводу питания и гимнастики нужно обращаться к врачу и учителю гимнастики, по поводу семян – к земледельцу, но на вопрос Сократа «А относительно семян науки [τά μαθήματα*], которые мы хотели бы посеять в душе человека, кого надо спросить с полным правом, сколько и какие из них умеренны?» (134e6–8) его собеседники ответить не могут и в последовательности рассуждения происходит сбой (135a). Читателю, знакомому с взглядами Платона и его школы, понятно, что это философ (в подлинном смысле слова), именно к этому Сократ будет подводить своих собеседников. Поэтому он меняет тему и начинает обсуждать (шаг 9) те μαθήματα, изучение которых полезно (надлежит знать) философу. Развитие именно этой темы к концу диалога приведет к формулировке «правильного» понимания философии. С другой стороны, на шаге 9 начинается более детальное обсуждение заявленного понимания философии как многознания (πολυμαθία). Уже на следующих шагах обсуждение этой темы приведет к появлению положения о неполноценности, дилетантизме философа – сторонника πολυμαθία.

– Так какие же мы назовем по догадке науки [τά μαθήματα*], кои следует преимущественно изучать [μανθάνω*] тому, кто занимается философией, раз уж ему не нужны ни все [науки]*, ни даже многие?

Тогда тот из двоих, кто был более умудрен, ответил:

– Самые прекрасные и подобающие из наук [τά μαθήματα*] – те, – благодаря которым может быть достигнута высшая слава в области философии; а эта высшая слава приходит к тому, кто считает нужным приобрести опыт во всех видах мастерства [αἱ τέχναι*]; если же он так не считает, он должен изучить [μανθάνω*], возможно, большее число благородных [искусств]* из тех, какие подобает знать [μανθάνω*] свободным [ἐλευθέροις*] [людям]* и какие относятся к понятливости [συνέσεως*], а не к ручному труду.

Соперники, 135a6–135b7 [19, с. 408].

С этого начинается отрывок, в котором, по мнению И. Адо, содержится критика концепции всестороннего образования Аристотеля (рассматривалась выше). На шаге 10 продолжается развитие темы философии как многознания, в ходе чего Сократ постепенно подводит своих собеседников к признанию дилетантизма философов – сторонников πολυμαθία:

После того я спросил его, нет ли, таким образом, возможности, чтобы один человек изучал [μαθεῖν*] только два искусства [τέχναι*], вместо того чтобы [изучать]* множество великих [наук]*.

– Нет, – отвечал он, – не считай, мой Сократ, что когда я говорю о необходимости для философствующего знать каждое искусство [δεῖ ἐκάστην τῶν τεχνῶν τὸν φιλοσοφοῦντα ἐπίστασθαι*], я имею в виду точные знания, такие, какие бывают у самого мастера: я

полагаю, что свободному [ἐλεύθερος*] и образованному [παιδευμένος*] человеку подобает улавливать то, что говорит мастер, по возможности лучше, чем остальным присутствующим, а также и самому подавать совет так, чтобы казаться самым тонким и мудрым знатоком среди всех, когда бы то ни было участвовавших на словах и на деле в создании различного рода произведений.

Соперники, 135c–135d [19, с. 408].

Уже здесь собеседник «Сократа» попадает в силлок, который постепенно начинает затягиваться, подводя его к признанию второсортности философа – сторонника πολυμαθία. Делается это с привлечением проведенной на шаге 6 аналогии между философией как многознанием и любовью к гимнастике (которая заменяется здесь гимнастом-многоборцем) как многоделанием. Шаг 11:

– Я постигаю, какого мужа ты считаешь философом: мне кажется, согласно твоим словам, он походит на многоборцев в состязаниях, если сравнить их с бегунами или борцами. Ведь многоборцы уступают последним в этих видах состязаний и занимают вторые места, в сравнении же с прочими атлетами бывают первыми – победителями. Быть может, ты утверждаешь, что и философия делает нечто подобное со своими приверженцами: они остаются позади тех, кто бывает первым по разумению в отдельных искусствах, но, занимая здесь лишь вторые места, превосходят зато всех прочих; таким образом, философствующий муж оказывается во всем недостаточно совершенным. Думается мне, ты доказываешь нам нечто подобное.

– Мне кажется, мой Сократ, – сказал он, – ты прекрасно понял, что такое философ, сравнив его с многоборцем. Это именно тот, кто не рабствует ни в одном деле и ни одно дело не доводит до совершенства (чтобы не оказаться из-за единой этой заботы лишенным, подобно простому ремесленнику, всех остальных знаний), но ко всему приобщается в меру.

Соперники, 135d–136b [19, с. 408–409].

Согласившись с вторичностью философов – сторонников πολυμαθία, собеседники переходят к обсуждению хорошего и полезного. Это обсуждение находится в связи с принятым ранее утверждением, что философия – дело не только прекрасное (καλός), но и благое (ἀγαθός) (133d). Благое, ἀγαθός на шаге 12 отождествляется с полезным и на основании этого философы признаются людьми полезными:

После такого его ответа я <...> поинтересовался у него, считает он хорошими [ἀγαθός*] полезных [χρήσιμος*] людей или же не приносящих пользу [ἄχρηστος*].

– Конечно, полезных [χρήσιμος*], мой Сократ, – отвечал он. Значит, если хорошие [ἀγαθός*] люди полезны [χρήσιμος*], дурные [πονηρός*], наоборот, бесполезны [ἄχρηστος*]? Он с этим согласился.

– Ну а философов ты считаешь, полезными [χρήσιμος*] людьми или нет?

Он признал их людьми полезными [χρήσιμος*] и, мало того, полезнейшими [χρησιμωτάτος*].

Соперники, 136b–136c [19, с. 409].

После признания философов – сторонников πολυμαθία людьми недостаточно полезными и отождествления хорошего, благого (ἀγαθός) с полезным, естественно напрашивается вывод, что философы – люди не достаточно хорошие. А в диалоге «Сократ» получает согласие на боле сильное утверждение (что, безусловно, передергивание), что философы – люди дурные. В результате чего и выводится противоречие. На шаге 13 идет прояснение возможной пользы от философов – сторонников πολυμαθία (136c–136e):

– Давай же выясним, если только ты говоришь правду, чем нам могут быть полезны эти не вполне совершенные люди? Ведь ясно же, что философ ниже любого владеющего мастерством.

Соперники, 136с [19, с. 409].

Собеседники приходят к соглашению, что в случае болезни любой обратится за помощью к врачу, если будет такая возможность, а в случае шторма доверит управление корабля кормчему, а не философу. Из этого делается следующее обобщение:

Значит, и в остальных подобных же случаях, если можно обратиться к мастеру, философ оказывается бесполезен?

– Это очевидно, – сказал он.

Так не оказался ли у нас философ человеком, лишенным пользы? Ведь у нас всегда под рукой мастера, и притом мы признали, что полезны хорошие люди, негодные же бесполезны.

Он вынужден был согласиться.

Соперники, 136d–136e [19, с. 410].

Мы подошли к ключевому моменту: введению противоречия и, на основании принципа сведения к абсурду, получению вывода, что философия – это не многознание (πολυμαθία). На шаге 14 автор «Соперников» вводит противоречие. Вначале повторяются основные полученные прежде утверждения (нумерация утверждений в данной цитате – моя. – Т.Ш.):

Я стремлюсь лишь к тому, чтобы повторить признанные нами положения и подвести итог. Итак, мы признали, что философия прекрасна (мы ведь сами философы) (1) и что философы – хорошие люди (2), а хорошие люди полезны, дурные же – бесполезны (3). С другой стороны, мы согласились, что в присутствии мастеров философы бесполезны (4), а мастера ведь присутствуют всегда (5). Не так ли мы это решили?

– Именно так, – молвил он.

Соперники, 136e–137a [19, с. 410].

Из (4) и (5) выводится, что философы всегда бесполезны. Из того, что дурные люди бесполезны вывести утверждение, что философы – дурные люди, нельзя. Но из того, что хорошие люди полезны, можно получить (используя принципы противопоставления, или контрапозиции, предикату), что философы не являются хорошими людьми (6). Откуда, принимая дихотомию хорошего и дурного, можно получить утверждение, что философы – дурные люди (7).

– Значит, по твоему слову выходит, мы признали (если философствование действительно знание искусств в твоем смысле слова), что философы – люди скверные и бесполезные и будут такими до тех пор, пока среди людей существуют искусства.

Соперники, 137a–137b [19, с. 410].

Далее применяется принцип доказательства методом сведения к абсурду. Здесь возможны две трактовки этого принципа: то ли это обычный вариант сведения к абсурду, то ли семантический. Семантический, поскольку получаемый вывод оценивается как абсурдный и на этом основании отбрасывается. Именно семантически утверждения (2) и (7) противоречат друг другу. Тогда как синтаксически (2) противоречит реконструированному промежуточному утверждению (6). Так или иначе, основании получения противоречия (семантического или синтаксического) гипотеза о том, что философия – это многознание (πολυμαθία), отбрасывается. Это шаг 15:

Но на самом деле это обстоит не так, милый мой друг, и философствовать означает не

старательно заниматься ремеслами, не суетиться и проводить свою жизнь в многоделанье или в многоученье, но нечто совсем иное, ибо я считал бы все это позором и тех, кто серьезно относится к ремеслам, именовал бы людьми неотесанными.

Соперники, 137b [19, с. 410].

Далее начинается большой фрагмент, в ходе которого выводится «правильное» понимание философии, противопоставляемое ее отвергнутому пониманию как *πολυμαθία* (137b–138c). Поскольку это понимание в рамках нашего рассмотрения не интересно, будем считать его одним этапом рассуждения (шаг 16). На нем выводится представление об особом искусстве управления:

– Как видно, все это одно и то же – царь, тиран, политик, домохозяин, господин, человек рассудительный [*σώφρων**] и справедливый [*δίκαιος**]. И искусство это одно и то же – тираническое, господское, а также искусство справедливости [*δικαιοσύνη**] и разума [*σωφροσύνη**].

Соперники, 138c [19, с. 413].

На шаге 17 философу вменяется в обязанность заниматься именно этим искусством:

– Что ж, станем ли мы утверждать и тут, – спросил я, – что философ должен быть подобен многоборцу, не достигшему совершенства, и претендовать всегда лишь на второе место в этом искусстве, будучи бесполезным всегда, когда присутствует кто-либо из таких мастеров, или же ему надлежит быть первым в своем доме, не поручать управление им другому и не довольствоваться в этом деле вторыми местами, но правильно судить и укрощать своих домашних, если он хочет, чтобы его дом имел хорошее управление?

Он согласился с моим мнением.

Соперники, 138e [19, с. 413].

Завершается диалог утверждением, доказательство которого и является, на мой взгляд, целью всего построения:

– Итак, достойнейший мой, философия отнюдь не многознание [*πολυμαθία**] и не суетное ремесленничество [*ἡ περὶ τὰς τέχνας πραγματεία**].

Соперники, 139a [19, с. 413].

8. Заключение

Подведем краткие итоги. Демаркация философии и науки – теоретико-культурная проблема, проходящая через всю историю большой европейской цивилизации – как минимум с конца древнегреческой архаики и до начала XX в. Эта история не исключала периодических конфликтов между сторонниками обеих тенденций интеллектуальной жизни. В контексте их полемики находятся два рассматриваемых в статье примера аргументации: академического диалога «Соперники» и предисловия к «Основанию к метафизике нравов» Канта. Авторы обеих произведений выступают против замещения или подмены «философских» занятий «научными». Для обоснования своей позиции эти авторы обращаются к общепринятым представлениям (общему месту) о роли разделения труда (в их негативном, досмитовском виде). Эти представления заключаются в том, что каждый должен заниматься одним единственным делом и только в этом случае он сможет добиться высокого качества своей работы. Совмещение же нескольких занятий ведет к низкому качеству работы, второсортности, дилетантизму. Особенностью рассматриваемых авторов является применение этих традиционных представлений к оценке интеллектуальной деятельности, из чего оба автора делают вывод, хоть и несколько по-разному, что не нужно философию смешивать с другими, «научными» занятиями.

Но есть между двумя этими аргументациями и разница. Пафос, отношение двух философов к «науке» отвечает соотношению «философии» и «науки» их времени. В случае античного автора реализуется стратегия нападения, квалифицирующая критикуемую позицию как ложно-философскую. Тогда как Кант реализует оборонительную стратегию, пытаясь отграничить свою сферу философской работы от попыток вмешательства и критики со стороны формирующейся эмпирической науки (как он говорит, «кропателей», то есть философов-эмпириков на языке той эпохи).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Иммануил Кант. Сочинения в 4-х тт. на нем. и рус. языках / Подгот. к изд. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. Т. III / Подгот. к изд. Э. Соловьевым, А. Судаковым, Б. Тушлингом, У. Фогелем. М., 1997.
2. Plato. Ἐρασταί // Platonis opera / Burnet J. (ed.). Vol. II. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967) // [Электронный ресурс]: <https://plato.spbu.ru/TEXTS/Burnet/209erastai.htm> (дата обращения 17.09.2020).
3. Platonis opera / Burnet J. (ed.). Vol. V. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967) // [Электронный ресурс]: <http://plato.spbu.ru/TEXTS/Burnet.htm> (дата обращения 17.09.2020).
4. Ἀριστοτέλης. Ἠθικά Νικομάχεια. [Электронный ресурс]: http://el.wikisource.org/wiki/Ἠθικά_Νικομάχεια (дата обращения 28.09.2020).
5. Ἀριστοτέλης. Μετὰ τὰ φυσικά. [Электронный ресурс]: <http://el.wikisource.org/wiki/Μεταφυσικά> (дата обращения 28.09.2020).
6. Ἀριστοτέλης. Περὶ ζώων μορίων. [Электронный ресурс]: http://el.wikisource.org/wiki/Περὶ_ζώων_μορίων (дата обращения 28.09.2020).
7. Ἀριστοτέλης. Τοπικά. [Электронный ресурс]: <http://el.wikisource.org/wiki/Τοπικά> (дата обращения 28.09.2020).
8. Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. М., 2002.
9. Ἡράκλειτος. Ἀποσπάσματα. [Электронный ресурс]: [http://el.wikisource.org/wiki/Ἀποσπάσματα_\(Ἡράκλειτος\)](http://el.wikisource.org/wiki/Ἀποσπάσματα_(Ἡράκλειτος)) (дата обращения 29.09.2020).
10. Ἡρόδοτος. Ἱστορίαι. [Электронный ресурс]: [https://el.wikisource.org/wiki/Ἱστορίαι_\(Ἡρόδοτος\)](https://el.wikisource.org/wiki/Ἱστορίαι_(Ἡρόδοτος)) (дата обращения 28.09.2020).
11. Θουκυδίδης. Ἱστορία του Πελοποννησιακού Πολέμου. [Электронный ресурс]: http://el.wikisource.org/wiki/Ἱστορία_του_Πελοποννησιακού_Πολέμου (дата обращения 28.09.2020).
12. Горγίας. Ελένης Εγκώμιον. [Электронный ресурс]: http://el.wikisource.org/wiki/Ελένης_Εγκώμιον (дата обращения 28.09.2020).
13. Ισοκράτης. Βούσιρις. [Электронный ресурс]: <http://el.wikisource.org/wiki/Βούσιρις> (дата обращения 28.09.2020).
14. Ξενοφών. Απομνημονεύματα. [Электронный ресурс]: [https://el.wikisource.org/wiki/Απομνημονεύματα_\(Ξενοφών\)](https://el.wikisource.org/wiki/Απομνημονεύματα_(Ξενοφών)) (дата обращения 28.09.2020).
15. Ξενοφών. Κύρου Παιδεία. [Электронный ресурс]: http://el.wikisource.org/wiki/Κύρου_Παιδεία (дата обращения 28.09.2020).
16. Ξενοφών. Οικονομικός // Xenophon. Xenophontis opera omnia. Vol. 2. / 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1921 (repr. 1971). [Электронный ресурс]: <http://el.wikisource.org/wiki/Οικονομικός> (дата обращения 29.09.2020).
17. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теогоний до возникновения атомистики. М., 1989.
18. Жмудь Л. Я. Пифагор и его школа. Ленинград, 1990.

19. Платон. Соперники // Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 404–413.
20. Шичалин Ю. А. Платон // Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина / [Электронный ресурс]: <http://www.mgl.ru/library/24/Platon-Shichalin.html> (дата обращения 20.09.2020).
21. Адо П. Что такое античная философия? М., 1999.
22. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 1. М., 1975. С. 63–367.
23. Геродот. История. М., 2007.
24. Аристотель. Топика // Аристотель. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. М., 1978. С. 347–531.
25. Шиян Т. А. Действительно ли «мистицизм» враждебен логике? (Против одной гипотезы об особенностях традиционной индийской культуры) // Национальное своеобразие в философии: Материалы международной конференции. Москва, 10–11 декабря 2014 г. / Отв. ред. Т. А. Шиян. М.: РГГУ, 2014. С. 119–132.
26. Шиян Т. А. Математика и логика в сотериологии Платона // Платоновское наследие в исторической ретроспективе: интеллектуальные трансформации и новые исследовательские стратегии. Сборник материалов XXVI научной конференции. СПб.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению и распространению философского наследия Платона «Платоновское философское общество», Русская христианская гуманитарная академия, 2018. С. 278–287.
27. Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М., 1995.
28. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1975.
29. Аристотель. О частях животных. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1937.
30. Аристотель. Никомахова этика // Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 4. М., 1984. С. 53–293.
31. Суворов Н. С. Средневековые университеты. М., 1898. Репринт: М., 2012.
32. Lindroth S. A History of Uppsala University: 1477–1977. Uppsala, 1976.
33. Шиян Т. А. Структура образовательных учреждений как критерий институционализации философии и науки // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». № 4(6). М., 2016. С. 19–32.
34. Шиян Т. А. Философия и наука: проблемы институциональной демаркации // Философия и наука: проблемы соотношения. Алёшинские чтения – 2016: Материалы междунар. конф. Москва, 7–9 декабря 2016 г. / Изд. 2-е, испр. / Отв. ред. Т. А. Шиян. В 2-х тт. М.: РГГУ, 2017. Т. 1. С. 11–23.
35. Шиян Т. А. Философия и наука как институциональные формы: проблема институциональной демаркации // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2018, Т. 5(1). С. 44–80. [Электронный ресурс]: <http://spolejournal.ru> (дата обращения 20.09.2020).
36. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: СОЦЭКГИЗ, 1962.
37. Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001.
38. Серра А. Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов // Меркантилизм / Под ред. и со вступительной статьей И. С. Плотникова. Л.: ОГИЗ, СОЦЭКГИЗ, Ленинградское отделение, 1953. С. 89–108.
39. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
40. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993.
41. Мочалова И. Н. PAIDEIA в Афинах IV в. до н. э.: «высшее образование» между деятельностью и созерцанием // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. 2013. Вып. 2.
42. Ксенофонт. Киропедия / Изд. подготовили [перевод, статьи и комментарии]

- В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов / Отв. редактор: С. Л. Утченко. М.: Наука, 1976.
43. Фукидид. История / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1981.
44. Платон. Законы // Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 71–437.
45. Исократ. Бусириис // Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи / Изд. подготовил Э. Д. Фролов. М.: Ладомир, 2013.
46. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1992.
47. Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. Ереван: Айастан, 1988.
48. Круглов А. Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М.: Канон+, 2012.
49. Kant I. Anthropologie Dohna-Wundlacken // Die philosophischen Hauptvorlesungen Immanuel Kants. Nach den neu aufgefundenen Kollegheften des Grafen Heinrich zu Dohna-Wundlacken / Hrsg. von A. Kowalewski. München, 1924.
50. Kant I. Anthropologie Matuszewski (1791/92) // Königsberger Kantiana [Immanuel Kant. Werke. Volksausgabe. Bd. 1 / Hrsg. von A. Kowalewski] / Hrsg. von S.L. Kowalewski, W. Stark. Hamburg, 2000.
51. Эберт Т. Сократ как пифагореец и анамнезис в диалоге Платона «Федон». СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.

REFERENCES

1. Kant I. Osnovopolozhenie k metafizike нравов [Grundlegung zur Metaphysik der Sitten]. In: Kant I. Sbranie sochinenij [Selected works]. In 4 vol. Vol. III. / Ed. by Je. Solov'ev, A. Sudakov, B. Tushling, U. Fogel. Moscow, 1997. (In German and Russian)
2. Plato. 'Εραστai // Platonis opera / Burnet J. (ed.). Vol. II. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967). URL: <http://plato.spbu.ru/TEXTS/Burnet/209erastai.htm> (date of request: 17.09.2020).
3. Platonis opera / Burnet J. (ed.). Vol. V. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967). URL: <http://plato.spbu.ru/TEXTS/Burnet.htm> (date of request: 17.09.2020).
4. Αριστοτέλης. Ηθικά Νικομάχεια. URL: http://el.wikisource.org/wiki/Ηθικά_Νικομάχεια (date of request: 28.09.2020).
5. Αριστοτέλης. Μετά τὰ φυσικά. URL: <http://el.wikisource.org/wiki/Μεταφυσικά> (date of request: 28.09.2020).
6. Αριστοτέλης. Περί ζώων μορίων. URL: http://el.wikisource.org/wiki/Περί_ζώων_μορίων (date of request: 28.09.2020).
7. Αριστοτέλης. Τοπικά. URL: <http://el.wikisource.org/wiki/Τοπικά> (date of request: 28.09.2020).
8. Ado I. [Hadot I.] Svobodnye iskusstva i filosofija v antichnoj mysli [Arts libéraux et philosophie dans la pensée antique]. Moscow, 2002. (In Russian)
9. Ηράκλειτος. Αποσπάσματα. URL: [http://el.wikisource.org/wiki/Αποσπάσματα_\(Ηράκλειτος\)](http://el.wikisource.org/wiki/Αποσπάσματα_(Ηράκλειτος)) (date of request: 29.09.2020).
10. Ηρόδοτος. Ιστορίαι. URL: [http://el.wikisource.org/wiki/Ιστορίαι_\(Ηροδότου\)](http://el.wikisource.org/wiki/Ιστορίαι_(Ηροδότου)) (date of request: 28.09.2020).
11. Θουκυδίδης. Ιστορία του Πελοποννησιακού Πολέμου. URL: http://el.wikisource.org/wiki/Ιστορία_του_Πελοποννησιακού_Πολέμου (date of request: 28.09.2020).
12. Γοργίας. Ελένης Εγκώμιον. URL: http://el.wikisource.org/wiki/Ελένης_Εγκώμιον (date of request: 28.09.2020).
13. Ισοκράτης. Βούσιρις. URL: <http://el.wikisource.org/wiki/Βούσιρις> (date of request: 28.09.2020).

14. Ξενοφών. Απομνημονεύματα. URL: [http://el.wikisource.org/wiki/Απομνημονεύματα_\(Ξενοφών\)](http://el.wikisource.org/wiki/Απομνημονεύματα_(Ξενοφών)) (date of request: 28.09.2020).
15. Ξενοφών. Κύρου Παιδεία. URL: http://el.wikisource.org/wiki/Κύρου_Παιδεία (date of request: 28.09.2020).
16. Ξενοφών. Οικονομικός // Xenophon. Xenophontis opera omnia / 2nd ed. Vol. 2. Oxford, Clarendon Press, 1921 (repr. 1971). URL: <http://el.wikisource.org/wiki/Οικονομικός> (date of request: 29.09.2020).
17. Fragmenty rannih grecheskih filosofov [Fragments of early Greek philosophers]. Part I. Ot jepicheskikh teogonij do vozniknovenija atomistiki [From epic theogony before emergence of atomistics] / Ed. by A. V. Lebedev. Moscow, 1989. (In Russian)
18. Zhmud' L.Ja. Pifagor i ego shkola [Pythagoras and his school]. Leningrad, 1990. (In Russian)
19. Platon [Plato]. Soperniki [Anterastai]. In: Platon [Plato]. Dialogi [Dialogues]. Moscow: Mysl', 1986. P. 404–413. (In Russian)
20. Shichalin Ju. A. Platon [Plato]. At: Greko-latinskij kabinet Ju. A. Shichalina [Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum]. URL: <http://www.mgl.ru/library/24/Platon-Shichalin.html> (date of request: 20.09.2020). (In Russian)
21. Ado P. [Hadot P.] Chto takoe antichnaja filosofija? [Qu'est-ce que la philosophie antique?] Moscow, 1999. (In Russian)
22. Aristotel' [Aristotle]. Metafizika [Metaphysica]. In: Aristotel' [Aristotle]. Sobranie sochinenij [Selected works]. In 4 vol. V. 1. Moscow: Mysl', 1975. P. 63–367. (In Russian)
23. Gerodot [Herodotus]. Istorija [Historíai]. Moscow: AST, 2007. (In Russian)
24. Aristotel' [Aristotle]. Topika [Topica]. In: Aristotel' [Aristotle]. Sobranie sochinenij [Selected works]. In 4 vol. V. 2. Moscow: Mysl', 1978. P. 347–531. (In Russian)
25. Shijan [Shiyan] T. A. Dejstvitel'no li “misticizm” vrazhdebno logike? (Protiv odnoj gipotezy ob osobennostjah tradicionnoj indijskoj kul'tury) [Is “mysticism” really hostile to logic? (Against one hypothesis about the features of traditional Indian culture)]. In: Nacional'noe svoeobrazie v filosofii [National peculiarity in philosophy]. Ed. by T. A. Shiyan. Moscow: RGGU, 2014. P. 119–132. (In Russian)
26. Shijan [Shiyan] T. A. Matematika i logika v soteriologii Platona [Mathematics and logic in Plato's soteriology]. In: Platonovskoe nasledie v istoricheskoy retrospektive: intellektual'nye transformacii i novye issledovatel'skie strategii. Sbornik materialov XXVI nauchnoj konferencii [Plato's heritage in historical retrospect: intellectual transformations and new research strategies]. St. Petersburg: Mezhhregional'naja obshhestvennaja organizacija sodejstvija izucheniju i rasprostraneniju filosofskogo nasledija Platona “Platonovskoe filosofskoe obshhestvo”, Russkaja hristianskaja humanitarnaja akademija, 2018. P. 278–287. (In Russian)
27. Stoljarov A. A. Stoja i stoicism [Stoa and stoicism]. Moscow, 1995. (In Russian)
28. Sekst Jempirik [Sextus Empiricus]. Sochinenija [Selected works] In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1975. (In Russian)
29. Aristotel' [Aristotle]. O chastjah zhivotnyh [De Partibus Animalium]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'tvo biologicheskoy i medicinskoj literatury, 1937. (In Russian)
30. Aristotel' [Aristotle]. Nikomahova jetika [Ēthika Nikomacheia]. In: Aristotel' [Aristotle]. Sobranie sochinenij [Selected works]. In 4 vol. V. 4. Moscow: Mysl', 1984. P. 53–293. (In Russian)
31. Suvorov N. S. Srednevekovye universitety [Medieval Universities]. Moscow, 1898. Reprint: Moscow, 2012. (In Russian)
32. Lindroth S. A History of Uppsala University: 1477–1977. Uppsala, 1976.
33. Shijan [Shiyan] T. A. Struktura obrazovatel'nyh uchrezhdenij kak kriterij institucijalizacii filosofii i nauki [Structure of educational institutions as criterion of an institutionalizing of philosophy and science]. In: Vestnik RGGU. No 4(6). Moscow, 2016. P. 19–32. (In Russian)

34. Shijan [Shiyan] T. A. Filosofija i nauka: problemy institucional'noj demarkacii [Philosophy and science: problems of institutional demarcation]. In: Filosofija i nauka: problemy sootnesenija [Philosophy and science: problems of correlation]. Ed. by T. A. Shiyan. Moscow, 2016. P. 11–18. (In Russian)
35. Shijan [Shiyan] T. A. Filosofija i nauka kak institucional'nye formy: problema institucional'noj demarkacii [Philosophy and science as institutional forms: the problem of institutional demarcation]. In: Juzhnyj poljus. Issledovanija po istorii sovremennoj zapadnoj filosofii [South pole. Researches on the history of modern Western philosophy]. 2018, V. 5(1). P. 44–80. URL: <http://spolejournal.ru> (date of request: 20.09.2020). (In Russian)
36. Smit [Smith] A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: SOCJeKGIZ, 1962. (In Russian)
37. Shumpeter [Schumpeter] J. A. Istorija jekonomicheskogo analiza [History of Economic Analysis]. Vol. 1. St. Petersburg: Jekonomicheskaja shkola, 2001. (In Russian)
38. Serra A. Kratkij traktat o sredstvah snabdit' v izobilii zolotom i serebrom korolevstva, lishennye rudnikov dragocennyh metallov [Breve trattato delle cause che possono far abbondare li regni d'oro e d'argento dove non sono miniere]. In: Merkantilizm [Mercantilism] / Ed. by I. S. Plotnikov. Leningrad: OGIZ, SOCJeKGIZ, 1953. P. 89–108. (In Russian)
39. Platon [Plato]. Gosudarstvo [Respublic]. In: Platon [Plato]. Sobranie sochinenij [Selected works]. In 4 vol. Vol. 3. Moscow: Mysl', 1994. (In Russian).
40. Ksenofont [Xenophon]. Vospominanija o Sokrate [Memories of Socrates]. Moscow, 1993. (In Russian)
41. Mochalova I. N. PAIDEIA v Afinah IV v. do n. je.: «vysshee obrazovanie» mezhdru dejatel'nost'ju i sozercaniem [PAIDEIA in Athens IV century BC: “higher education” between activity and contemplation]. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 17. 2013. Issue 2. (In Russian)
42. Ksenofont [Xenophon]. Kiropedija [Cyropaedia] / Trans. by V. G. Boruhovich, Je. D. Frolov. Ed. by S. L. Utchenko. Moscow: Nauka, 1976. (In Russian)
43. Fukidid [Thucydides]. Istorija [Historiai] / Trans. by G. A. Stratanovsky. Moscow: Nauka, 1981. Moscow (In Russian)
44. Platon [Plato]. Zakony [Laws]. In: Platon [Plato]. Sobranie sochinenij [Selected works]. In 4 vol. Vol. 4. Moscow: Mysl', 1994. (In Russian). P. 71–437. (In Russian)
45. Isokrat [Isocrates]. Busiris. In: Isokrat. Rechi. Pis'ma; Malye atticheskie oratory. Rechi [Isocrates. Speeches. Letters; Small attic speakers. Speeches]. Moscow: Lodomir, 2013. (In Russian)
46. Petrov M. K. Samosoznanie i nauchnoe tvorchestvo. Rostov-on-Don: Edit. of Rostov University, 1992. (In Russian)
47. Jekkerman I. P. [Eckermann J. P.]. Razgovory s Gjote v poslednie gody ego zhizni [Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens]. Yerevan: Ajastan, 1988. (In Russian)
48. Kruglov A. N. Kant i kantovskaja filosofija v russkoj hudozhestvennoj literature [Kant and Kant's philosophy in Russian fiction]. Moscow: Kanon+, 2012. (In Russian)
49. Kant I. Anthropologie Dohna-Wundlacken // Die philosophischen Hauptvorlesungen Immanuel Kants. Nach den neu aufgefundenen Kollegheften des Grafen Heinrich zu Dohna-Wundlacken / Hrsg. von A. Kowalewski. München, 1924.
50. Kant I. Anthropologie Matuszewski (1791/92) // Königsberger Kantiana [Immanuel Kant. Werke. Volksausgabe. Bd. 1 / Hrsg. von A. Kowalewski] / Hrsg. von S.L. Kowalewski, W. Stark. Hamburg, 2000.
51. Jebert T. [Ebert Th.]. Sokrat kak pifagoreec i anamnezis v dialogue Platona «Fedon» [Sokrates als Pythagoreer und die Anamnesis in Platons “Phaidon”]. St. Petersburg: Edit. SPbU., 2005. (In Russian)